

Люди
МИЛЕВСКАЯ

Сергей Сив Маркелов
детский журналист

ВЫСТРЕЛ
В ЧЕПЧИК

Людмила Ивановна Милевская
Выстрел в чепчик
Серия «Соня Мархалева
– детектив-оптимистка»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136089

Выстрел в чепчик:
ISBN 5-699-11510-4

Аннотация

Выдумке и упрямству этого мерзавца можно было позавидовать, если бы... Если бы это было в кино. Но неизвестный вполне реально угрожал жизни моих друзей. Нелепая схема покушений была сказочно проста. Дырочка от пули в шляпке сменялась свистом арбалетной стрелы. И все заканчивалось падением картины на ложе очередной жертвы. И теперь мне, Соньке Мархалевой, очень хотелось посмотреть в наглые глаза этого Робин Гуда с большой дороги. Что понадобилось этому типу от перепуганных женщин?! Но очевидное и невероятное уже поджидало. Муж одной из моих друзей был явно замешан в этих событиях...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	47
Глава 5	56
Глава 6	66
Глава 7	77
Глава 8	88
Глава 9	99
Глава 10	107
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Людмила Милевская

Выстрел в чепчик

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Моя Роза – гинеколог. Казалось бы, кто еще может к жизни ближе стоять – только такой же гинеколог.

И как тут не позавидовать, ведь Роза у самых истоков бытия с утра до вечера. Изучает их, рассматривает, холит, лелеет. Сколько жизней на свет появилось благодаря нашей Розе, и при этом при всем у самой Розы нет никакой жизни. Может, потому, что этих жизней она немало и истребила, но речь пойдет не о вреде аборта и не о его пользе. Речь пойдет о морали, точнее, о ее отсутствии.

У Розы случилась такая неприятность, от которой немало хлопот досталось и другим. Я в их числе.

И если после этой истории мне кто-то скажет, что убийство штука незаразная, – обязательно возражу.

Почему бы нет? Ведь заразным же оказалось покушение, от которого пострадала Роза. Этим покушением переболели мы все одна за другой...

Но начну с самого начала.

У моей Маруси трагедия.

Даже две трагедии.

А если уж быть до конца откровенной, то целых три.

Хотя потерю Ивана Федоровича, нацелившегося на квартиру, дачу и тело Маруси, к трагедии я бы не отнесла. Это скорей удача. Очень вовремя она его потеряла, дай ему еще

немного времени, и трудно было бы сказать, кто владелец Марусиной квартиры: Маруся, Иван Федорович или вся его многочисленная родня, оставшаяся в заснеженном Архангельске.

Безусловно, потеря Ивана Федоровича – удача.

Крупная удача. Так считали все, кто знал Марусю.

И все были рады, потому что всем он уже надоел со своими нескромными восторгами: «А щеки! Щеки!»

Не представляю, как выносили эти восторги бедные щеки Маруси. Без боли не могла я смотреть, как он с криками «А щеки! Щеки!» безжалостно набрасывался на них и грыз, и смокал, и...

Что он с ними только не делал. Конечно, он всем надоел, этот Иван Федорович Архангельский с его ненасытной любовью, в которую не верил никто ни на грош. Он надоел всем. Всем, кроме Маруси.

Маруся потерю переживала тяжело и истерически жаждала найти то место, где ее обожаемый Иван Федорович – бабник и алкоголик – потерялся. Я всеми фибрами души его ненавидела, он ограничивал доступ к Марусе, а жизнь без Маруси чрезмерно пресна.

Нет, я жила, конечно, своей обычной жизнью, но дни мои стали похожи на ту картину, из которой вдруг убрали все краски. То есть остались одни очертания, как в контурных картах, помнится, в детстве нас до одури истязали ими учителя географии. Не имея возможности подсмотреть в учеб-

ник, я всегда путала цвета, и Черное море у меня почему-то было черным, Красное – красным, а Желтое – соответственно желтым.

Примерно то же происходило и в моей жизни, когда Иван Федорович лишил меня Маруси. Не имея возможности обратиться к ней за советом, я правду наивно принимала за правду, а ложь за ложь, не докапываясь до самой сути и не опрокидывая все и вся с ног на голову. В связи с этим в моей жизни наступил сокрушительный порядок...

Всем известно, каково русскому человеку жить в полном порядке...

Впрочем, этого знать не может никто, поскольку никто никогда не пробовал.

Никто, кроме меня.

Я попробовала и могу сказать: ужасно! Врагу не пожелаешь! Счастливым случаем избежала смертельной скуки, грозящей неизлечимой депрессией.

Вот, каково оно жить в порядке без привычки. Так уж устроен наш человек с его загадочной русской душой – органически не переносит порядка. И вождей таких выбирает. Если (не приведи господи) попадетя умник, который и в самом деле на порядок наострится, тут же русский человек и бунтанет: «Кто такой? Откуда взялся грамотей этот? Гнать его в шею!»

Думаю, после такого скрупулезного анализа каждому станет понятно, каково мне было без Маруси. Зато теперь, ко-

гда Иван Федорович исчез из Марусиной жизни, я получила полную дозу того необходимого беспорядка, которого была лишена все эти месяцы, пока Маруся с трогательной наивностью принимала алчные и меркантильные домогательства Ивана Федоровича за мексиканскую любовь.

Моя доверчивая Маруся. Ну откуда взяться в застуженном архангельском сердце мексиканской любви, когда в сердце этом одна лишь борьба за выживание?

Маруся же со свойственным ей упрямством выдавала желаемое за действительное.

И вот результат. Он ее бросил, а я страдаю.

Каждое утро Маруся будит меня и требует сочувствия. Я вскакиваю с кровати и нечесаная-немытая досматриваю сон уже на кухне, по пути готовя черный кофе и бутерброды с балыком, потому что страдать без балыка Маруся не может. Ей нужно много балыка, впрочем, я не жадная и всегда готова угощать черт-те кого, ну просто всех подряд. Это мой недостаток, с которым я успешно борюсь, поэтому все считают меня скупой, не замечая при этом моего уникального хладнокровия. Впрочем, и оно покинуло меня на десятом бутерброде.

– Хватит! – крикнула я Марусе. – Больше так продолжаться не может!

– Конечно, не может, – с жаром поддержала меня она, проглатывая одиннадцатый бутерброд. – Не может, поэтому я взяла себя в руки и Ваню нашла. Теперь знаю, где он жи-

вет, паразит, скотина, урод. Приглядел себе другую дуру, какую-то жирную уродину.

Хоть я прямо вся не видела ее, но уверена, что она жирная уродина. Кого еще мой Ваня может полюбить?

Я осела на табурет и сомнамбулически проследила за тем, как исчез двенадцатый бутерброд. «Сама, глупая, виновата, – рассеянно подумала я, – могла бы эти бутерброды делать поменьше».

– И что теперь? – промямлила я, втайне радуясь, что осталось всего два бутерброда.

– Теперь ты поедешь к этой его новой бабе и скажешь все, что я о ней думаю, – безапелляционно заявила Маруся.

«Неужели еще недавно я чувствовала себя счастливой от того, что Маруся снова моя?» – внутренне изумилась я.

Теперь по этому поводу я уже горевала – так безгранична моя Маруся. Я, признаться, от ее безграничности уже начала отвыкать, а потому подзабыла, как умеет Маруся врываться в мою жизнь с целью «поставить ее на колеса». Правда, на этот раз все было еще хуже: Маруся жаждала, чтобы «на колеса» была поставлена ее жизнь. Но почему именно моими усилиями? Я же не единственная Марусина подруга. Есть же и другие несчастные.

Этот вопрос я тут же задала Марусе.

– Другие работают, а ты – никогда, – мгновенно выдала ответ Маруся.

Я возмутилась:

– Ха, значит, пока они там беззаботно прохлаждаются на своей работе, я должна отдуваться за них и как угорелая носиться по городу в поисках твоего Вани?

– Ваню искать не нужно, Ваня уже известно где, – напомнила Маруся. – Он у своей бабы.

– Тем более. Если я и поеду туда, так только с одной целью: послать их по-русски красочно и емко.

В этом месте Маруся схватилась за голову и, зверея, закричала:

– Старушка, ты сошла с ума! Епэрэсэтэ! Я прямо вся сейчас упаду! Прямо вся потеряю сознание!

– Теряй себе на здоровье, – ответила я. – Тебе и терять нечего. Понять не могу, зачем тебе этот Ваня?

Или ты забыла, как начала толстеть при нем?

Кстати, это была первая трагедия, которая случилась с Марусей, – она стала быстро поправляться, росла словно на дрожжах.

Должна сказать, что изнурительные поиски мужа, растянувшиеся на двадцать с лишним лет, измотали мою Марусю, в последние годы она весила всего лишь чуть больше ста килограммов.

Уверяю вас, я не шучу, это сущая мелочь для Маруси при ее гренадерском росте. С этим весом наша «крошка» не расплылась, как прочие, а даже имела формы и очень выгодно выступала ими в пространство. Несмотря на бескрайнюю грудь, необъятные бедра и живот, из-за которого ее, как бе-

ременную, усаживали в общественном транспорте, Маруся выглядела даже стройной, если не сказать поджарой. Во всяком случае, всем так показалось, когда Маруся начала толстеть.

Началось это со щек Маруси, но, поскольку Иван Федорович так часто их кусал, щипал и прочее, все не обратили на этот факт никакого внимания, считая естественным то, что щеки выехали за пределы физиономии Маруси.

Потом Маруся вошла в конфликт с обувью: не было в нашей торговле сапог, которые местом, предназначенным для икр, сошлись хотя бы на Марусиной щиколотке. Глядя на ноги Маруси, мы просто смеялись, понимая ничтожность всех этих сапог.

Смеялись, но, когда дело дошло до того, что Маруся отправилась к портнихе заказывать бюстгальтер (не буду говорить, какого размера), тут уж всем стало не до смеха. Все поняли, что дальше так продолжаться не может, что спокойная счастливая жизнь нашей Маруси с этим позорным Иваном Федоровичем доведет нашу «крошку» до слоновьей болезни, не говоря уже о прочих неприятностях: о поломанных диванах, раздавленных креслах и расплющенных стульях. Таксисты, к примеру, увидев Марусю, не только не притормаживали, а панически давали газу, невзирая на близость постовых. Штрафы им казались пустяком в сравнении с убытками, в которые могла их ввергнуть Маруся.

В общем, Маруся набирала вес, а все мы, ее друзья, с гне-

тущей тревогой обсуждали эту проблему, все больше и больше приходя к выводу, что из косметической проблема выросла в социальную и надо срочно что-то делать. Строились даже версии рискованно циничные.

Роза, к примеру, героически предложила отбить у Маруси Ивана Федоровича. Все напомнили ей, что она замужем за Пупсом и может пострадать ее семейная карьера, но Роза с пафосом сообщила, что ради подруги она готова на все, тем более что Иван Федорович ей не так неприятен, как всем остальным.

– Я готова начать действовать! – заявила Роза.

И все представили, что с ней будет, когда Маруся узнает об этих замыслах. Кстати, друзья наши, несмотря на природную вредность, об этом плане Марусе не сообщили до сих пор. Никто не пошел на убийство. Никто не пошел и на самоубийство и не решился Ивана Федоровича соблазнять, как предлагала Роза.

Слава богу, до этого дело не дошло, потому что Иван Федорович неожиданно посередине полнейшего счастья вдруг перестал кричать: «А щеки! Щеки!»

Перестал он их и кусать, а потом и вовсе стал задумчив.

И вот тут-то случилась вторая трагедия – Маруся начала худеть. Учитывая набранную ею массу, это было поначалу не так заметно, как ей хотелось бы, но когда мы поняли, что происходит, – ужаснулись. Никто не помнил Марусю худой, как не помнил никто, была ли она когда-нибудь худой вооб-

ше. Все сразу стали говорить, что худеть Марусе нельзя.

– Этак и я растолстею, – выразила опасения Тося. – Раньше, глядя на Марусю, я приходила в ужас, который избавлял меня от аппетита, а теперь как же?

От кого я буду в ужас приходиться?

– С этим не будет проблем, – заверила Тосю Роза. – Почаще смотришь в зеркало, и ужас тебе обеспечен, а вот Марусю надо спасать. Окружим ее заботой, повиснем на этом Иване Федоровиче и не дадим ему уйти из семьи.

И мы набросились на худеющую Марусю. Пока спасали Марусю, Иван Федорович и вовсе исчез. Горе Маруси обрело такую силу, что внезапно прорезался дивный аппетит, с которым Маруся и начала есть.

Преимущественно мои бутерброды с балыком. Поскольку с тех пор, как исчез Иван Федорович, Маруся практически не выходила из моей кухни, у меня возникли проблемы, несопоставимые с горем Маруси, – над моей семьей навис голод. Евгений не успевал набивать продуктами холодильник.

– Кстати, куда делись бутерброды? – возмутилась Маруся, запихивая в рот последний.

– Разве не знаешь? – изумилась я. – Ты их съела.

Все. До одного.

– Правда? – удивилась Маруся. – Ну...

Она на секунду замялась, видимо, это как раз то время, которое понадобилось для победы ее жадности над ее же совестью.

– Ну сделай еще бутербродов, – продолжила Маруся. – Я прямо вся чего-то нервничаю.

– Балыка больше нет, – отрезала я.

– Да? Нет балыка? – удивилась Маруся, будто это нормально, когда человек каждый день покупает по килограмму балыка.

Женька ругается, говорит, что продавщицы уже косо смотрят на него.

– Нет балыка?.. Нет балыка?.. – обиженно мямлила Маруся.

Легко понять ее горе.

– У меня – нет, – заверила я. – Но зато сколько хочешь есть в магазине. Если приспичило, можешь сходить. Это совсем рядом.

– Ну, порежь там еще чего-нибудь, раз нет балыка, – словно вмиг потеряв слух, небрежно бросила Маруся.

– Чего? – теряя остатки терпения, спросила я.

– Ну колбаски там московской или ветчинки.

– Маруся, у меня нет ничего, – рассвирепела я. – Ты знаешь, я не жадная, но ты уже неделю от меня не выходишь, и почему-то все время тебя тянет на деликатесы. Раз такой аппетит, лопай все подряд. Хочешь, дам манной каши?

Маруся отшатнулась и воскликнула с глубоким отвращением:

– Нет, нет! Каши не надо, я полнею от нее.

– А от жирного балыка, значит, не полнеешь.

– Я не виновата, старушка, что у меня от нервов аппетит, – принялась оправдываться Маруся. – Так много горя у меня и так мало радости, – добавила она, кивая на мой холодильник.

Мне стало стыдно. Пришлось послать бабу Раю за балыком.

– Что-то не пойму, – сказала я, когда баба Рая принесла балык и были готовы бутерброды. – Ты сейчас что, худеешь или полнеешь?

– Когда нервничаю, могу жрать сколько угодно и все равно худею, – заверила меня Маруся, меча в рот сразу два бутерброда. – Так ты поедешь к его бабе или не поедешь?

– Об этом не может быть и речи, – рассердилась я. – Нет на свете такого мужика, за которым стоило бы бегать. Я тебя, Маруся, не узнаю. Что ты раскисла?

Только и разговоров, что об этом... Тьфу! Даже говорить не хочу о ком. У тебя что, дел нет больше?

Маруся опешила:

– А чем бы занялась на моем месте ты?

– На твоём месте? – Я задумалась. – Поменяла бы мебель в спальней, твоя уже никуда не годится, а раз ты свободна, теперь все может быть, вполне может случиться новый жених. Слушай, я на днях видела такой роскошный гарнитур! Передать не могу. Белый. Весь белый. Белый шкаф, белая кровать, белый туалетный столик и даже пуфик белый.

– Белый цвет меня полнит, – вздохнула Маруся.

– Но ты же худеешь!..

– Не всегда же будет так. Вот Ваня вернется, и снова начну толстеть.

Я хотела рассердиться, но не успела – раздался телефонный звонок. Это была Роза. Она так бойко защебетала своим высоким тонким голоском, что у меня зазвенело в ушах.

Роза говорила долго, но так долго не могла молчать Маруся. Пришлось ее немного развлечь.

– Это Роза, – шепнула я, прикрыв трубку.

– Что ей надо?

– Понять не могу, она очень возбуждена, кричит про какое-то горе...

Маруся пришла в изумление:

– Горе? У Розы?

– Ну да, а что здесь такого?

– Да она же гинеколог.

– И что из того?

– Вот если бы я была гинекологом, – сразу же размечталась Маруся, – то сидела бы себе в джакузи и в потолок поплеывала, ну прямо вся и поплеывала бы.

Признаться, я понять не могла, в чем здесь причина.

Чем гинеколог отличается от прочих людей и почему он может поплеывать в потолок, а Маруся нет – я этого совсем не поняла, но выяснять было некогда.

Роза требовала, чтобы я срочно к ней приехала.

– Срочно! Срочно! – кричала Роза.

– Срочно не могу, у меня Маруся горем убивается, – при-

зналась я.

– Ничего страшного, – сказала Роза. – Вези и ее, убьется у меня, здесь ничем не хуже.

Я посмотрела на Марусю, которая, рискованно качнув табурет, прямо всей собой пыталась постигнуть смысл происходящего, из чего, естественно, ее больше всего интересовало то, что она слышать не могла.

– Поедешь со мной к Розе? – спросила я.

– А что? Что у нее? – сразу же возбудилась Маруся.

И тут же, уже плохо владея собой, она вырвала из моих рук трубку и завопила так, будто собиралась докричаться до Розы без всякой телефонной связи.

– Роза! Роза! – вопила она. – Что?! Что?! Говори быстрее, а то я прямо вся сейчас упаду!

Угроза, видимо, подействовала на нашу умную Розу, потому что она мгновенно что-то сказала, после чего Маруся, вскочившая до этого со своего табурета в порыве завладеть трубкой, тут же обратно на табурет и осела.

– Розу пытались убить, – промычала Маруся, кадая крупными слезами прямо в свое декольте.

Глава 2

Мы запрыгнули в «жигуленок» Маруси и помчались к Розе. Для такого события (не могу не отметить) Роза держалась молодцом, чего никак нельзя было сказать о Марусе, которая была ну просто неприлично. Из-за ее воя я ничего не могла толком понять и в конце концов разозлилась.

– Маруся, – закричала я, – ну что ты воешь? Это же не бразильский сериал, которыми ты окончательно расшатала свои нервы, это жизнь, и выть здесь некогда и даже опасно. Здесь надо вовремя свою задницу убирать из-под чужих зубов.

Маруся мне ничего не ответила, а Роза, с завистью глядя на Марусю, сказала:

– Если бы у меня были ее размеры, я бы тоже была, потому что такую задницу уже даже можно и не убирать. Будь у меня такая задница, – размечталась Роза, – я бы вышла замуж за богатого азербайджанца или армянина, сидела бы себе в джакузи и в потолок поплевывала бы, а не таскалась бы каждый день на работу в это опротивевшее мне отделение гинекологии.

Маруся от удивления выть перестала и предприняла немало усилий, чтобы обратить наконец свое пристальное внимание на предмет, который вверг в зависть нашу добрую Розу.

Пока Маруся мучилась от любопытства, я с укором по-

смотрела на Розу. С укором, потому что Роза свою работу очень любила и не променяла бы ее ни на какого богатого армянина с джакузи. К тому же Роза была маленькая, и ее зависть к Марусе была мне просто непонятна, нет, не потому, что задница Маруси плоха, вовсе нет, а потому, что Роза для задницы Маруси была маловата.

«Это черт знает что такое! – внутренне вдруг возмутилась я. – О чем думаю, когда нашу Розу совсем недавно пытались убить!»

– Роза, – закричала я, пользуясь отсутствием Марусиново
воля, – расскажи же мне наконец, что с тобой произошло? Неужели тебя и в самом деле пытались убить?

– В самом ли деле, не знаю, но целых три раза, – сокрушаясь, сказала Роза, приглашая нас в комнату и кивая на турецкий диван.

Там почему-то лежала громадная картина. Обычно эта картина висела над диваном. Я многократно хвалила роскошную раму, в которую была забрана совершенно бездарная работа неизвестного мне художника с Арбата.

– Эта картина неожиданно и без всяких причин сорвалась со стены и упала мне на голову, – сказала Роза.

Мы с Марусей уставились на голову Розы, сильно сомневаясь, что она способна выдержать удар такой картины, точнее рамы.

– Ну, не совсем мне на голову, – замялась Роза. – Слава богу, я в это время была на кухне, но если бы случайно ока-

залась на этом диване, то обязательно пострадала бы. Голова была бы вдребезги, это уж точно, говорю вам как гинеколог!

– Да? – удивилась я. – И поэтому ты решила, что тебя пытались убить?

Роза выглядела растерянной.

– Тося сказала примерно такую же фразу, – призналась она.

– Что сказала Тося? – пожелала знать Маруся.

– Тося, а она уехала буквально за минуту до вашего приезда...

– Почему же эта мерзавка нас не дождалась? – возмущенно рывкнула Маруся.

Маруся возмущалась всегда, если представлялась ей такая возможность... и если не представлялась – тоже.

Здесь она точь-в-точь похожа на нашу Тамару, может, поэтому они не разговаривают уже двадцать с лишним лет.

Роза вздохнула:

– Тося сказала, что не может смотреть на то, как тает Маруся.

Маруся победоносно взглянула на меня:

– Ты слышала, старушка?

– Слышала, – проямлила я, – но не пойму, в чем здесь дело. Почему ты так горда? Давайте лучше о картине, – обратилась я к Розе. – Так что сказала Тося?

Роза восторженно встрепенулась и ушла в подробности, без которых не обходится ни одна нормальная женщина.

– Как только я с вами поговорила, пришла Тося, – зашебетала Роза. – Это было очень кстати, потому что картина только-только упала и я места себе не находила от страха. Я тут же рассказала Тосе о происшествии, на что она рассмеялась: «Чепуха. Если уж надо нам дойти до такого идиотизма и делать выводы из упавшей картины, то под объект покушения скорей попадает твой Пупс. Он же не встает с этого дивана. Насколько мне известно, ты даже чай ему туда носишь.

Просто удивительно, что Пупса там не оказалось в тот момент, когда упала картина».

– Кстати, а где Пупс? – спросила я.

– У него появились срочные дела, – отмахнулась Роза. – Он пошел консультироваться с Соболевым, первым мужем Тамары.

– Я редко соглашаюсь с Тосей, – сказала Маруся, – но, по моему, на этот раз Тося права. Как думаешь, старушка? – обратилась она ко мне.

– И мне так кажется, – ответила я. – Если уж на кого и покушались, так скорей на Пупса. Лично я ни разу не видела тебя сидящей или лежащей на этом диване, в основном ты крутишься на кухне. Следовательно, можно предположить, что покушавшийся – человек, совершенно не осведомленный, но лично я думаю, что вообще не было никаких покушений, а картина упала сама.

Я подошла к дивану, обследовала веревку, на которой висела картина, и сказала:

– Удивительно не то, что картина упала, а то, что она еще как-то на этой веревке висела. Веревку же изгрызли тараканы. Да, теперь я уверена, что никто не собирался тебя убивать.

– Я тоже, – поддержала меня Маруся.

– Это потому, что вы не все знаете, – воскликнула Роза. – Когда я рассказала Тосе то, что было до этого, она уже не была так уверена в своей правоте, а когда я показала ей свою шляпку, то тут уж Тося и вовсе задумалась и сказала: «Подруга, береги себя».

– Что за шляпка? – оживилась Маруся.

Она всегда в таких случаях оживлялась.

– Секунду, – сказала Роза и вынесла из прихожей шляпку.

Я взяла шляпку в руки, покрутила ее и заметила:

– Недурно... На мой вкус, поля бы пошире, а так ничего.

Но почему я не видела у тебя ее?

– Пупс подарил мне на днях, – с гордостью сообщила Роза. – Я же обожаю шляпки.

– Кто их не обожает, – грустно промычала Маруся, физиономия которой никак не была приспособлена к подобным атрибутам элегантности.

Не было на свете такой шляпки, за пределы которой не выходили бы легендарные щеки Маруси.

– Ну? – спросила я. – И в чем тут дело? Шляпка как шляпка, почему ты мне ее даешь?

– А ты присмотришь получше, – посоветовала Роза.

Я присмотрелась, обнаружила в шляпке дыру и воскликнула:

– Ба! Да она же испорчена! Кто прогрыз ее?

– Не прогрыз, а прострелил, – поправила меня Роза. – Мы с Тамарой сидели в кафе, ну, в том, в нашем, за тем столиком, где обычно сидим: на открытом воздухе возле стены. Сидели, пили кофе и обсуждали свои дела, как вдруг на нас посыпалась штукатурка.

Сначала мы ничего не поняли, а потом Тамара увидела застрявшую в стене штукатурину, выковырнула ее и пришла в ужас. Это оказалась пуля.

Мы с Марусей охнули и переглянулись.

– Епэрэсэтэ! – выдохнула Маруся.

Я же решила промолчать, дабы не рассеивать миф о моем хладнокровии.

– «Бежим отсюда», – крикнула мне Тамара, и мы убежали, – продолжила Роза.

– Никто не гнался за вами? – тревожно поинтересовалась Маруся.

– Конечно, гнался, – обиженно сообщила Роза, поджимая свои бантиком губки. – Два квартала за нами гнался официант. Мы так спешно покинули кафе, что не успели расплатиться.

– И что было дальше? – спросила я.

Роза пожала плечами:

– Расплатились, конечно же, куда денешься, раз уж он нас

до гнал.

– Да нет, я о пуле. Что было дальше?

– Ничего. Мыс Тамарой решили, что налет был на тех бритоголовых «бизнесменов», что всю глущили пиво за соседним столиком, и разошлись, а дома я обнаружила дырку в шляпке. Я сразу же поняла, что это от той пули, которая застряла в стене. Видимо, перед этим пуля прошла через мою шляпку. Вот когда мне стало не по себе!..

– А где та пуля? – неожиданно заинтересовалась Маруся, с недоверием глядя на Розу. – Хочу на нее поглядеть.

Роза почему-то смутилась и забормотала:

– Пулю Тамарка забросила в кусты. Зачем она нам?

Мы же в милицию идти не собирались. И вообще, я не придавала тому случаю никакого значения. Через несколько дней намертво забыла про шляпку и пулю и не вспомнила бы больше никогда, если бы не второй случай во дворе. Стрела!

С этим криком Роза выскочила из комнаты и довольно долго отсутствовала.

– Странная она сегодня, – громогласно шепнула Маруся. – Странная прямо вся.

Я пожала плечами.

– Девочки! – закричала Роза.

С этим криком она и вернулась, изумленная и растерянная. Вернулась и тут же бросилась звонить своему Пупсу на мобильный.

– Пупсик мой, – с максимальной нежностью закричала

она. – Ты где?

Видимо, Пупс пытался ей ответить, потому что Роза тут же продолжила. Не в ее правилах давать слово Пупсу. Общение с мужем она признавала только в форме монолога – своего монолога, разумеется.

– Пупсик мой, ты зачем взял стрелу? – строго спросила она.

Думаю, Пупс доходчиво пытался донести до своей жены, что стрела не нужна ему ни при каких обстоятельствах, а если по-русски, то просто не нужна ему и на... Впрочем, вариантов великое множество. Боюсь, он не все их донес до жены – слишком интеллигентный.

Но что-то все же донес, потому что Роза страшно разозлилась и перешла на радикальный крик.

– Не смей мне лгать, ничтожество! – зазвенела она. – Кто еще мог взять стрелу в нашем доме?! Кто, кроме тебя?! Это ты, ничтожество, хватаешь все прямо из-под рук!

Короче, переговоры длились довольно долго и изрядно измотали нашу Розу. В конце концов она бросила в сердцах трубку на аппарат и тоном полнейшей безнадежности сообщила:

– Девочки, пропала стрела.

– Ну и черт с ней, – удовлетворенно рявкнула Маруся и на всякий случай поинтересовалась:

– А что за стрела?

Думаю, чтобы оценить характер потери.

– Да стрела, которой пытались меня убить! – закричала Роза.

Она очень разнервничалась.

– Понимаем, – успокоила я ее. – Мы слушаем, спокойно продолжай.

– Арбалетная стрела, – с жаром продолжила Роза. – Во всяком случае, так сказал сын Лены, соседки с третьего этажа. Это было вчера. В нашем доме давно не делали ремонт, все жильцы уже только об этом и говорят. Вчера вечером я как раз беседовала с Леной, ну, о ремонте, будь он неладен, когда эта стрела вонзилась в ствол клена, возле которого стояла я. Просвистела мимо и вонзилась. Возьми эта стрела чуть правее, и не было бы у меня глаза.

– Да ну! – хором усомнились мы с Марусей.

– Как гинеколог вам говорю, – заверила Роза и показала на свой глаз, красиво подведенный синей тушью и оттененный голубыми перламутровыми тенями.

– Слушай, епэрэсэтэ, как тебе удастся так ровно красить глаза? – невпопад восхитилась Маруся. – Накрась так и меня.

– Тебе не пойдет, – вставила я.

– Девочки, – обиделась Роза. – Как вы можете?

Я вам про такое, а вы!

– Ты о чем? – удивилась Маруся.

– Да о стреле же, – напомнила я, не отводя замороженного взгляда от действительно искусно подкрашенных глаз Розы.

– Ах, про стрелу, – зевая, вспомнила Маруся. – И что?

Что стрела?

– Она вонзилась, – уже с меньшим энтузиазмом продолжила Роза. – Прямо рядом с моей головой, но в ствол дерева. Как раз в это время к нам подошел сын Лены. Я вырвала стрелу из ствола, не без труда, еле вырвала, а Лена начала ругаться на мальчишек, которые перебрасывались неподалеку в картишки. Она начала их стыдить, мол, совсем обнаглели, так и покалечить человека недолго, а сын ее взял из моих рук стрелу, покрутил ее и сказал, что это скорей всего арбалетная и ни у кого такой нет. Во всяком случае, если вести речь о тех, кто живет в нашем дворе.

– И где же стрела? – спросила Маруся.

Роза пожала плечами:

– Ее нет, еще вчера она была, а сегодня нет. Что я такое говорю? – хлопнула себя по лбу Роза. – Сегодня утром она была.

– А ты не показывала стрелу Тосе? – поинтересовалась я.

– Не-ет, – качая головой, ответила Роза. – Тося даже слушать про стрелу не захотела. Она подняла меня на смех и сказала, что такие истории с ней происходят чуть ли не через день, если из каждой делать выводы, то и с ума недолго сойти.

– Зря вот Тося заводит речь о своем уме, – вставила Маруся. – Слышать такое я прямо вся не могу! Хотя в чем-то она права. Нет в вашем дворе арбалета, значит, есть в соседнем. Эти мальчишки перемещаются из одного двора в дру-

гой очень даже легко. Я бы их на цепь посадила. Ты как думаешь, старушка? – обратилась она уже ко мне.

– Думаю, что в наши дни убивать арбалетом глупо, – ответила я. – Слишком ненадежно, да и зачем, когда полно другого оружия.

Роза, похоже, огорчилась, а ведь должна была бы радоваться тому, что жизнь ее вне опасности. Как странно устроены люди.

– Так вы считаете, что меня не собирались убить? – растерянно спросила она. – Тося все же сказала: «Береги себя, подруга». Неужели совсем не собирались меня убить?

– Если и собирались, то никак этого не обнаружили, – оставляя ей надежду, сказала я. – Случай со шляпкой, конечно, исключительный, но почему-то мне Тамарка о нем не рассказывала.

– Она была очень занята в эти дни, – пояснила Роза. – Замоталась.

– Арбалетная стрела во дворе дома, – продолжила я, – полнейшая ерунда. Какой дурак станет все так усложнять? В твоем же дворе почти нет кустов.

– Стрелять могли из окна дома, – неожиданно встала на защиту Розы Маруся.

– Могли мальчишки-шалуны, – усмехнулась я. – Что касается картины, мой тебе. Роза, совет: как можно скорей выведи из дома тараканов. Если хочешь, я тебе на время свою ловушку одолжу. Прекрасное средство. Я вывела за три дня,

и это при том, что за стеной у меня Старая Дева – оптовый поставщик тараканов.

– Мне лучше одолжи, – оживилась Маруся.

Я рассердилась:

– Тебя поставлю в очередь, будешь за Розой. Все равно ты сейчас живешь у меня.

– А ночую-то дома, – плаксиво напомнила Маруся.

Уж не хочет ли она и ночевать у меня?

Однако Роза сникла.

– Так, значит, меня не собирались убивать? – упорно не желая расстаться с открытием, допытывалась она.

– Нет, конечно, – заверили мы хором с Марусей.

– Вот и Тося сказала то же самое, – обиженно призналась Роза. – Даже хуже: она на смех меня подняла.

Правда, когда увидела стрелу и узнала про картину, задумалась. Тося сказала, что я должна себя беречь. Что, по-вашему, она тогда имела в виду?

– Исключительно твое психическое здоровье, – заверила я и напомнила:

– Ты же утверждала, что Тося не видела стрелы.

– Я утверждала? – удивилась Роза.

– Это точно, – подтвердила Маруся. – Я прямо вся это слышала.

– Да как же Тося не видела стрелы, – воскликнула Роза, – когда стрела лежала в прихожей перед зеркалом? Не могла я такие глупости утверждать.

– Могла и не такие, – злорадно сообщила Маруся.

Глава 3

Обсуждать историю Розы мы начали, едва за нами захлопнулась дверь ее квартиры.

– Ты ей веришь? – спросила Маруся, входя в лифт и с лишней силой вдавливая кнопку первого этажа.

– Не вижу причин для лжи, – ответила я, перебирая в памяти всю предыдущую жизнь, начиная с детсадовского горшка, потому что именно на нем я впервые увидела Розу.

Очень хорошо помню этот красочный момент: голубоглазая и румяная Роза с огромными сиреневыми бантами на белокурых мышинных хвостиках. Она сидела на синем в красный горошек горшке и деловито ковыряла в носу. «Я насладала», – честно призналась она, как только я вошла в туалетную комнату.

Нет! У меня нет причин подозревать в неискренности Розу. Она всегда была предельно честна. Даже с Пупсом, что уж совсем не обязательно. Роза врала только один раз – когда утверждала, что похитит у Маруси Ваню. Целомудренная Роза в принципе не могла кого-нибудь соблазнить, даже Пупса. Но и в случае с Ваней Роза лгала только себе самой, остальные-то обмануты не были.

– Думаю, Роза не врет, а заблуждается, – сказала я, выходя из лифта и направляясь к «жигуленку» Маруси. – Картина действительно упала, и дырка в шляпке есть, что касается

копья...

– Не копья, а стрелы, – поправила меня Маруся, усаживаясь в машину и начиная терзать зажигание. – Я прямо вся с нее смеюсь. Стрелы-то нет, стрелу-то она так и не показала. Вряд ли Пупсу понадобилась эта стрела, да и шляпка – дело сомнительное. Взяла и проделала дырку сама, а потом все это сочинила. Кстати, и пульки нет. Надо бы расспросить подлую Тamarку, но это уже, старушка, работа твоя. Эх, жаль, сама не могу, но не мириться же с ней из-за этого.

Наконец «жигуленок» дернулся, с ревом сорвался и устремился вперед. Испуганная кошка шарахнулась в кусты, чудом избежав колес. Я вздохнула с облегчением, перевела дух и тут взмолилась, с ужасом увидев мирно беседующих на тротуаре старушек:

– Марусенька, сбавь скорость, пока не передавила всю живность в этом дворе.

– Что тут за скорость? – удивилась Маруся, с презрением глядя на спидометр, показывающий семьдесят километров в час. – Разве это скорость? – спросила она, лихо выруливая прямо на старушек.

Бабульки вскрикнули и разлетелись в стороны, а Маруся (очень довольная собой) продолжила беседу.

– И вообще, вся эта история сильно напоминает какой-то детектив, – задумчиво изрекла она. – Не помню, то ли Сименон, то ли Стаут. Кто-то об этом писал.

– Агата Кристи, – подсказала я. – И последовательность та

же: сначала шляпка, пробитая пулей, потом картина, упавшая со стены.

– Нет, картина была третьим номером, между шляпкой и картиной была стрела. У Кристи стрелы не было, я не знаю, что там было, но помню точно, что не стрела. Кажется, у героини отказали тормоза.

– Маруся! – закричала я, с ужасом глядя на идущую впереди машину. – Тормоза отказали у тебя.

Если не сбавишь скорость, я пойду пешком.

– Если я не сбавлю скорость, – справедливо заметила Маруся, благополучно выруливая из весьма неприятной комбинации «Хонды» с «Мерседесом», – нас понесут на кладбище, а родственники всю оставшуюся жизнь будут выплачивать мафиозам долги. А у героини тормоза отказали, и, если бы не закончился бензин, она сиганула бы с обрыва.

– Какое счастье, что у нас нет обрывов, – порадовалась я сразу двум вещам, потому что вдобавок к вышеупомянутым обрывам, которых нет, Маруся еще и скорость сбавила. – Но ты не права, героиню пытались утопить. Впрочем, что мы гадаем. Какая разница?

Детективы так похожи и вместе с тем разнообразия в мире так мало, что мы из кожи будем лезть, чтобы помочь кому-нибудь уйти из жизни оригинально, а все равно выяснится, что все это уже многократно было.

– Да, но в разной последовательности, – не согласилась Маруся и на всякий случай сообщила:

– И лично я уходить из жизни не собираюсь.

– Как, вообще?

– Нет, пока. Позже обязательно уйду, это стоит у меня в плане. Должна же я прямо вся родиться в другой жизни. К сожалению, этого нельзя сделать, не уйдя из этой. Так что я обязательно уйду, тем более что мне прогнозировали, будто я в следующей жизни стану женщиной. Интересно, кем там будет мой Ваня?

– Мечтаешь поменяться с ним ролями?

Маруся заржала:

– Ха-ха, старушка, если бы я была мужиком, представляешь, что тут началось бы? Епэрэсэтэ! Ох! Не стоит беречь душу Я прямо вся негодую от того, что я баба. А что касается Розы, то за шляпкой идет картина, если не считать копыя.

– Стрелы, – подсказала я.

– Нет, старушка, Роза или стареет, или закисла с этим своим Пупсом Епэрэсэтэ! До чего довели гинеколога! Ей не хватает внимания, я прямо вся это чувствую. Как только оправлюсь от горя, сразу же возьму Розу с собой и... буду ставить ее жизнь на колеса. Ей надо срочно заводить любовника.

– Целиком и полностью с тобой согласна, но напомни, если забуду ей позвонить. Эти рассказы про убийства, конечно, глупость, но лучше держать руку на пульсе. Для нашего же спокойствия.

В этот момент я увидела кондитерский магазин и закричала:

– Маруся, останови! Куплю Саньке торт!

– Правильно, – сказала Маруся. – А я прямо вся куплю Саньке шоколадку.

– О, как ты добра!

В кондитерском Маруся сразу же встретила старую знакомую, с которой когда-то работала в своем буфете.

Встретила и тут же бросилась делиться новостями, их изрядно скопилось за те пять лет, что приятельницы не виделись. Я поняла, что это надолго, и приуныла, но не решилась их тревожить (знакомая, к несчастью, стояла за прилавком).

Каким-то чудом я успела купить торт раньше, чем Маруся обнаружила, что продавщица и знакомая – одно лицо. По этой причине я топталась рядом с Марусей, нетерпеливо перекладывая торт из одной руки в другую. Видимо, Марусе это действовало на нервы, потому что она дала мне ключ от «жигуленка» и раздраженно приказала:

– Чем приплясывать тут, старушка, лучше пойди положи в багажник продукты.

И я пошла.

И тут же у входа в магазин нос к носу столкнулась с Тамарой.

– Мама, – радостно закричала Тамара, – как удачно я тебя встретила. Какими здесь судьбами?

– Мы с Марусей делали покупки, – ответила я. – Маруся осталась трепаться с приятельницей, а я иду к ее машине.

Радость из Тамары мгновенно улетучилась.

– Как неудачно, Мама, я вас встретила, – хмурясь, сказала она. – Хорошо, что ты меня предупредила, сейчас бы налетела на эту корову. Теперь я совсем туда не пойду, хотела купить кекс Дане.

– Да хватит вам дуться друг на друга, – сказала я, имея в виду их ссору, – уже не дети.

– Вот именно, что не дети, – буркнула Тамара, – поехали, Мама, со мной, я сегодня без охраны и сама за рулем. – Она кивнула на свой, стоящий рядом с Марусиным «жигуленком», «Мерседес».

Я понимала, что увести меня из-под носа Маруси для Тамары дело чести, и в, общем-то, не была против, да и Маруся повела себя беспардонно (так долго трепаться – преступление), но, с другой стороны, у нее горе.

– У Маруси горе, – скорбно качая головой, сообщила я.

– Да ты что! – смягчаясь, воскликнула Тамара. – Умер кто-то?

– Да нет, ее Ваня ушел.

Тамара удовлетворенно рассмеялась:

– Нашла горе. С таким горем она родилась, с ним же и умрет.

– Ну-у, – замялась я, понимая, что отчасти Тамара права, – все же жалко ее.

– Мама, ты невозможная, нашла кого жалеть! Ты чем заниматься сейчас собираешься?

– Сяду в «жигуленок» Маруси и буду ее ждать. Должен же

нас с тортом кто-то отвезти домой, не телепаться же в метро.

– С ума сошла? – ужаснулась Тамара. – Маруся умеет трепаться часами, а ты будешь ее ждать? Твой торт плесенью покроется. Поехали, я отвезу тебя.

Кстати, у меня есть новость.

С этими словами Тамара схватила меня за руку и, не принимая возражений, потащила к своему «Мерседесу». Я вырвалась и метнулась в магазин. Без всяких объяснений сунула ключи от «жигуленка» Марусе в декольте (она меня даже не заметила) и вернулась к Тамаре.

«Нечасто можно увидеть Тамару без ее телохранителей», – уже в «Мерседесе», в оправдание себе, подумала я, глядя на превращающийся в точку «жигуленок»

Маруси.

– Ты не надумала с квартирой? – тем временем поинтересовалась Тамара, следя цепким взглядом и за мной и за тем, что творится на дороге. – О будущем Саньки надо позаботиться уже сейчас, тем более подвернулся удачный случай.

Компания Тамары в Питере за бесценок приобрела долгострой и развернула бурную деятельность. Около года Тамара убеждала меня купить в этом строящемся доме квартиру моему сыну, главным аргументом выдвигая ее дешевизну.

– Тома, – раздраженно отмахнулась я, – если ты думаешь, что мне некуда выбросить свои деньги, то жестоко ошибаешься. С этой задачей легко справляюсь и без тебя, а что касается Саньки, то он как раз в школу пойдет, когда ты сдашь

в эксплуатацию свой дом.

Однако Тамара была непробиваема.

– Вот и хорошо, – обрадовалась она. – Санька будет лучше учиться, зная, что жильем он уже обеспечен.

– Странная у тебя логика, – удивилась я. – Баба Рая и без того называет моего сына барчуком и все уши ему прожужжала, что у него уже все есть и ему не придется на старости лет подаваться в няньки, а если я, не дай бог, куплю еще ему и квартиру, она умрет от зависти к его детству. Санька же сделает вывод, что нет смысла учиться вообще, раз и так все есть. И потом, что я с этой квартирой буду делать?

– Ты ее сдашь за приличные деньги. Это же ежемесячный доход.

– Боюсь, этот доход введет меня в большие расходы, слишком он далеко. Всем известно, какие сейчас квартиранты. Они будут меняться один за другим, а я разорюсь на одних поездках в Питер. Нет, Тома, нет, и не морочь мне больше голову. Никогда не соглашусь, даже если эту квартиру будешь даром давать.

– Жалко, – расстроилась Тамара. – Очень выгодная была бы сделка. Я же тебе по дружбе хочу уступить, а ты отказываешься...

– Лучше говори свою новость, – прервала я, понимая, что пошел второй виток обработки клиента.

Тамара оживилась:

– Ах, новость! Представляешь, на меня было покушение!

– Да что ты?! – испугалась я.

– Да! – с гордостью подтвердила Тамара. – Думаю, настоящее покушение.

– Так почему же ты мотаешься без охраны?

– А, толку от нее чуть. Если очень захотят, все равно убьют, – довольно-таки небрежно заметила Тамара. – Я поехала по своим женским делам, не таскать же мне за собой мальчиков. И, если честно, мне уже надоело ходить под конвоем. Воли хочу.

– Понимаю, понимаю.

– Ничего ты не понимаешь. Мы сидели с Розой в кафе и обсуждали сделку. Кстати, вот Роза не стала ерепениться, она покупает квартиру.

– Ей-то зачем? – удивилась я. – Квартира у нее уже есть, а детей нет.

– Во-первых, что касается детей, еще не все потеряно, а во-вторых, квартира в Питере достается по такой выгодной цене, что есть смысл ее потом обменять на Москву с расширением.

– Наша маленькая Роза хочет большую квартиру? – изумилась я. – Ей что, не хватает уборки?

– Это не наше дело, – отрезала Тамара. – Может, она прислугу наймет. Так вот, мы сидели в кафе, и вдруг я услышала странный звук, и сразу же на нас посыпалась штукатурка.

– Да ты что? – делая большие глаза, воскликнула я. – А потом ты нашла в стене пулю и выбросила ее в кусты, и еще

за вами гнался официант.

– Так ты все знаешь, – разочаровалась Тамара. – Кто тебе рассказал?

– Роза, разумеется, только вряд ли стреляли в тебя.

Ты и сама так не думала, раз убедила Розу, что вишеню были бритоголовые «бизнесмены».

– Мама, не будь наивной, ну зачем бы я стала пугать нашу Розу? В ней и без того душа еле держится. Да и сплетен мне не надо. Представляешь, сколько у некоторых будет радости, когда пройдет слух об этом покушении?

Здесь Тамара явно намекала: на Марусю, в первую очередь на нее. Но зря она так, Маруся вредная, конечно, но и добрячка известная.

– Конечно, я, пользуясь случаем, – продолжила Тамара, – тут же перевела стрелки на бизнесменов (господи, столько «бля» я в жизни не слыхала), а наивная Роза и поверила, что покушались на них, но я-то знаю, что покушались только на меня. Кому нужны эти дешевые «бычки»? Раз уж покушались, так только на меня!

Я, не разделяя ее мнения, удивилась и спросила:

– Почему ты так уверена?

– Мама, ты невозможная, – закричала Тамара. – Знаешь же, чем я занимаюсь. Вот, долгострой купила, большой компании дорогу перешла. Компания эта корни в Питере пускает и потому всех на корню купила, да и я так умею, почему бы и мне в Питере корни не пустить? Знаешь, сколько у ме-

ня врагов?

– Лучше не перечисляй, – испугалась я.

– Вот. И не только поэтому, что врагов много, я уверена – покушались на меня. Это каким же надо быть слепым, что послать пулю на три метра левее этих бизнесменов? В нашей стране брака много, конечно, но не до такой же степени. А больше там стрелять было не в кого. Не в официанта же? И уж тем более не в Розу. Уж ее-то преступно убивать, святым делом человек занимается.

Я усмехнулась:

– Понимаю, что ты расстроишься, но возражу.

– Возразишь? – изумилась Тамара. – Это как же?

– А вот так: если стреляли в тебя, то почему прошили шляпку Розы? Вы что, сидели как голубки, прижавшись друг к другу головками?

– Мама, что ты такое говоришь? Мы с нормальной ориентацией и сидели достойно. Между нами был стол, и Роза, как всегда, сидела, откинувшись в кресле, так что головы были на приличном расстоянии.

– Следовательно, снайпер не мог так лихо промахнуться, чтобы продырявить шляпку Розы, целясь в тебя, – уточнила я.

– Шляпку Розы? Кто сказал тебе такую чепуху? – возмутилась Тамара. – Шляпка Розы в порядке.

– Только что видела ее своими глазами. В ней дырка. От пули.

Тамара призадумалась.

– Дырка? – рассеянно переспросила она. – В шляпке? Точно?

– Можешь не сомневаться, – заверила я.

– Между нашими головами был метр с лишним, неужели промахнулся этот подлец?

– Ты о ком?

– Да о снайпере, черти его раздери! О снайпере, который покушался на меня! – закричала Тамара, нервничая и рискованно бросая «Мерседес» на обгон. – Руки ему надо потбивать за такую работу. Бедная Роза чуть безвинно не пострадала.

– Постой! – возмутилась я. – Ты по-прежнему считаешь, что покушались на тебя?

– А на кой хрен кому нужна эта Роза?

Ответить я не успела, помешал мобильный. Маруся и ее приятельница расцепились-таки своими языками, и Маруся тут же бросилась искать меня. Понятно, ее переполняет полученная информация, ей не терпится поделиться впечатлениями, а у меня ребенок. Я нахожу время на все, но только не на то, чтобы почитать Саньке сказку. Ребенок вырастет бездушным, если не узнает, как жилось Емеле-дураку и Иванушке-дурачку.

Во всяком случае, так утверждают психологи.

– Старушка, ты куда пропала? – хотела знать Маруся.

– Я уже дома давно, – ответила я, чтобы не портить Ма-

русе настроение Тamarкой.

– Все! – закричала Маруся. – Я прямо вся к тебе мчусь!

– Кто это? – насторожилась Тамара.

– Это Маруся, – «обрадовала» ее я. – Прямо вся мчится ко мне.

– Это черт знает что! – возмутилась Тамара, кивая на лежащую у меня на коленях коробку с тортом. – Я уже кофе не могу с подругой попить! Мама, ну почему ты не сказала ей, этой корове, что едешь со мной и радуешься жизни?

– Язык не повернулся, – честно призналась я. – Ты вон какая счастливая. Такая счастливая, что даже с минуты на минуту покушения ждешь, а Маруся никому не нужная, у нее все время горе.

– Ну и черт с вами! – психанула Тамарка.

Она довезла меня до дому и в очень дурном настроении укатила. Я поплелась к подъезду. Я тоже расстроилась. Радоваться и в самом деле не было причин. Маруся не успокоится, пока не расскажет мне биографию приятельницы, перечисляя ее родственников, начиная с пятого колена. Потом она приступит к другим приятельницам, про которых, думаю, только что узнала...

Кусты, мимо которых проходила я, зашевелились.

От неожиданности я, едва не уронив коробку с тортом, отпрыгнула на приличное расстояние.

– Мама! Мама! – радостно закричал мой Санька.

Это он выскочил из кустов.

– Мама, посмотри, что я нашел!

– Тьфу, гадость какая, – не глядя, сказала я.

– Мама, но ты же даже не посмотрела!

– И так знаю, что гадость. Разве что-нибудь другое бывает в твоих руках? Иначе почему бы им все время быть такими грязными?

Санька обиделся и засопел.

– А где баба Рая? – удивилась я. – Почему ты гуляешь один?

– Баба Рая потерялась.

«Боже, какой умный у меня ребенок! – порадовалась я. – Даже баба Рая потерялась, старая сплетница, а он как взрослый гуляет один. И в руках у него не гадость, а прелестный котенок».

– Санька, отпусти котенка, и пошли домой есть торт, – сказала я.

– Мама, почему отпустить? Он что, тебе не понравился?

– Понравился, потому и хочу ему добра, потому и прошу отпустить. Аида домой.

– А баба Рая? – заволновался Санька. – Она же будет плакать, если не найдет меня.

– Сынок, я тебя доверила бабе Рае, а не наоборот.

И вообще, за все поступки надо отвечать. Вот пускай баба Рая и отвечает.

– Мама, она уже отвечать не должна, она уже старая. Ее даже в тюрьму не посадят.

Я, обремененная жизненным опытом, уже хотела вступить с сыном в полемику, но помешал визг тормозов. Мы шарахнулись в сторону от Марусиного «жигуленка» и тут же услышали ее радостный вопль:

– Епэрэсэтэ! Кого я вижу! Александр, какие люди и без охраны!

– Тетя Муся, вы мне утром уже это говорили, – не разделяя Марусиной радости, напомнил Санька и демонстративно обратился ко мне:

– Мама, а сказку ты мне считаешь потом, когда я торт съем?!

– Почитаю, – заверила я.

– А боксерские перчатки купишь?

– Куплю, – ляпнула я.

Маруся не могла так долго молчать и решительно встряла в нашу беседу.

– Старушка! – гаркнула она. – Что я узнала! Помнишь Светку, что за Витьку Танькиного вышла и через год развелась, а он женился потом на Тоськиной соседке, которая была замужем за Пашкой-кандидатом, так вот, оказывается, она...

– Маруся, – возмутилась я, – Светку не помню и вряд ли знаю, и, что точней всего, знать не хочу. За этими сплетнями мне ребенку сказку почитать некогда.

– Так ты читай, а я буду рассказывать, – тут же разрешила все проблемы Маруся.

А еще Тамарка говорит, что я невозможная. Она до завидного давно не общалась с Марусей.

Глава 4

В течение двух недель я как часы отмечалась у Розы, подробно выясняя, не было ли новых покушений.

К счастью, покушений не было. Роза все сокрушалась по поводу стрелы, которая так внезапно пропала.

– А где она лежала перед тем, как пропасть? – спросила я лишь для того, чтобы поддержать беседу.

– В прихожей у зеркала, – ответила Роза. – Я раз сто тебе это говорила.

– Да-да, я забыла. Значит, ты уверена, что Тося не брала стрелы?

– Зачем ей стрела? Она же с меня посмеялась.

– Маруся вроде тоже стрелу не брала, впрочем, и она с тебя посмеялась. И я стрелу не брала. Кстати, что говорит об этом твой Пупс?

– Клянется, что ему не до стрелы, – заверила Роза. – Он занят своими делами и тоже надо мной смеется. Он не верит в покушения. А я дрожу. Даже не знаю, что и думать. Мне страшно. Уже по улице хожу с втянутой в плечи головой. Куда это годится?

– Никуда, – согласилась я, – а с каким интервалом были те покушения?

Роза задумалась.

– Шляпку прострелили в понедельник, стрела прилетела

в среду, а картина упала в четверг, – после минутной паузы бойко отчиталась она.

– Картина не в счет, – возразила я, – картина упала сама по себе. Это просто совпадение. Я тут подумала: можешь больше не втягивать голову в плечи.

– Почему?

– Вряд ли на тебя будут покушаться еще.

Роза пришла в волнение.

– Почему? – закричала она. – Почему ты так решила?

– Сама посуди, две недели прошло, и ни одной попытки.

Видимо, тебя оставили в покое, хотя взять в толк не могу, зачем на тебя вообще покушаться? Ты же безобидней воробья.

– Воробей просто разбойник в сравнении со мной, – уточнила Роза. – Но, может, это маньяк?

У них, у маньяков, возникают порой очень странные фантазии, это я тебе как гинеколог говорю.

В своем отделении со своими пациентками Роза приобрела вредную привычку ссылаться на свой авторитет и теперь делает это где попало. На авторитет этот она однажды сослалась при выборе ткани и как гинеколог посоветовала мне купить шифон.

– Страшный народ маньяки, – заверила Роза.

– И сама знаю, – с пониманием откликнулась я, – не первый год общаюсь с Марусей. Только представь, она уже запилила меня.

– И что хочет?

– Всего лишь чтобы я сходила к этой новой бабе Ивана Федоровича и высказала ей мнение прямо всей Маруси. Можешь представить, что я должна ей говорить? А Маруся уже кипит. Кстати, в одном Маруся права, тебе действительно надо развлечься. Ты слишком напряжена.

– Да, это так, – согласилась Роза. – Мне надо развлечься.

– Слушай, – обрадовалась удачной мысли я. – С минуты на минуту жду с работы Евгения. Мы с ним собрались в «Детский мир» покупать Саньке боксерские перчатки. Не хочешь с нами пойти?

– Думаешь, это меня развлечет? – усомнилась Роза.

– Конечно, мы же берем с собой и Саньку.

– Ах вот в чем дело, – уныло прозрела Роза и... неожиданно решилась. – Знаешь, – сказала она, – я уже год обещаю Саньке автомат на батарейке. Вот и куплю, раз представилась такая возможность. Изредка полезно делать добрые дела.

– Думаешь автомат – это доброе дело? – теперь уже усомнилась я.

Санька, пользуясь особым расположением моих подруг, в последнее время пристрастился вырывать у них рискованные обещания. Это очень тревожило меня, поэтому я расстроилась, но сказала:

– Хорошо, Роза, жди, мы заедем за тобой.

Вскоре я, Евгений, Санька и Роза шумно разгуливали по «Детскому миру». Мы с Розой сразу поняли, что попали в свою стихию, и как дети радовались обилию типично

женских вещей. Я с ходу присмотрела себе восхитительный крем против морщин, который, следуя рекламе, уже несколько месяцев бесплодно искала по парфюмерным магазинам. Неожиданно крем оказался там, где никто бы и не подумал его искать.

– Как полезно, оказывается, уделять внимание ребенку, – сказала я Розе, с удовлетворением выбивая чек на пять баночек этого дивного крема.

– Да, я тоже куплю, – согласилась со мной Роза. – И еще в соседнем отделе продается чудная сумочка.

Такой цвет я уже не надеялась найти под свое пальто, а тут надо же, какая удача.

– Сумочка нужна и мне, да надо заглянуть и в шляпы. Ты видела, какое рядом с ними продается белье?

Белоснежный комплект с откровенно открытым бюстгалтером и ханжески высокими плавочками! По-моему, выглядит очень сексуально.

– О, я должна это хотя бы видеть! – закричала Роза.

– Так пойдем же! – обрадовалась я.

Евгений тоже не тратил времени даром. Он застрял в мужском обувном отделе и, не веря глазам своим, энергично выбирал мужские туфли сорок четвертого размера, с которым у него всегда были большие проблемы. Кто бы мог подумать, что в «Детском мире» этого добра навалом? Там был потрясающий выбор, чем не могли похвастать лучшие обувные магазины.

Ну конечно, где же еще продавать сорок четвертый размер, если не в «Детском мире»? По этому случаю на лице Евгения отразилось непередаваемое удовлетворение и довольство жизнью.

Впрочем, довольство жизнью, думаю, возникло от общения с молоденькими продавщицами. Они по заслугам оценили его внешность и размеры и не скупилась на комплименты.

В общем, день удался, и если бы не Санька, который постоянно ныл, капризничал и тащил нас невесть куда, мы все достигли бы полной nirваны. Однако Санька никак не мог разобраться в своих разнообразных желаниях, растерянно крутил головой по сторонам, стремительно терял расположение духа и все время спрашивал:

– Мама, разве это «Детский мир»?

– «Детский мир», сыночек, – заверила я, – и мы просто глупцы, что так долго сюда не ходили. Роза, ты довольна?

– Очень, – живо откликнулась Роза. – Какая ты умница, что вытащила меня сюда.

– А я недоволен! – закричал Санька и брызнул слезами.

Пришлось выдать ему легкую затрещину, хоть я и не сторонница такого метода воспитания. Но Санька обладает удивительной способностью капризничать в самый неподходящий момент.

Это все влияние бабы Раи. С тех пор как она взялась за его воспитание, ребенок стал жутко невоспитанный.

Видели бы вы, какой эффект произвела моя затрещина. Санька завыл так, будто его кувалдой по голове хватили, а ведь я едва коснулась его затылка рукой.

– Что за шум, а драки нет? – игриво спросил подошедший с коробкой под мышкой Евгений.

– Что ты купил? – хором закричали мы с Розой, воззрясь на коробку.

– Может, и мне надо? – воскликнула я.

– Может, и Пупсу моему? – воскликнула Роза.

– Может, и моему Тасе? – воскликнула возникшая из ниоткуда Тося.

Естественно, мы с Розой обрадовались ее появлению и тут же шумно выплеснули эту радость из себя.

Тося, в свою очередь, окатила нас своей. Евгений присоединился к всеобщему восторгу сдержанной улыбкой и раскрыл коробку. Все, кроме Саньки, ахнули.

В коробке лежали мужские туфли.

– Какая прелесть! – хором выдохнули я, Тося и Роза. – И сколько стоят такие?

Евгений тут же назвал цену, и она нам понравилась.

– Все, бегу покупать Пупсу, – заявила Роза.

– Там только сорок четвертый размер, – предупредил Евгений.

Роза сникла, а Тося обрадовалась.

– Это как раз размер моего Таси! – восторженно закричала она.

Мы с Евгением снисходительно ее пожалели, а Роза заметила:

– Тося, имеется в виду размер обуви, а не одежды.

– Я что, дура? – воскликнула Тося и устремилась в мужской отдел.

Мы побежали за ней. Ужасно интересно, как она будет покупать туфли, в которые без труда можно спрятать всего ее Тасю, пусть простят мне легкое преувеличение.

К нашему огорчению, в последний момент Тося одумалась и сказала:

– Жаль, туфли хорошие, но Тасе они чуть-чуть велики. Нет у вас меньшего размера?

Продавщица возмущенно покачала головой, мол, мелочью не торгуем.

После этого мы с Розой потеряли к Тосе интерес и разбрелись по обувному отделу. Евгений же переместился в соседний и с ходу увлекся пиджаками.

Я же с восторгом обнаружила чудные комнатные тапочки, совершенно женские, по непонятной причине оказавшиеся среди грубых мужских. По нежнейшему черному бархату вышивка золотом и розовый пушок.

Прелесть! Прелесть!

Я уже хотела поделиться своей радостью с Розой, но неожиданно услышала Тосин визг. Она кричала, как овца перед закланием:

– Безобразие! Что за глупые шутки?! Так можно и убить!

Я, Роза и продавщицы устремились к ней, не в силах ничего понять. И в этот момент закричала и Роза.

– Это же моя стрела! – закричала она, с огромным трудом выдергивая стрелу из деревянного обрамления витрины, рядом с которой стояла Тося.

Это и в самом деле была стрела. Настоящая, довольно данная стрела. Во всяком случае, такая легко прошла бы человека. Тося просто в рубашке родилась, просто счастье, что она осталась жива. Особенное это счастье для Юли, ко горой Тося три тысячи долларов должна.

Меня это происшествие сильно впечатляло. Одно дело слышать, другое – видеть своими глазами. Огромная жуткая стрела в непосредственной близости от головы человека...

Я была потрясена.

Продавщицы тоже отнеслись к стреле с удивлением и принялись крутить головами по сторонам. Тося уже не кричала и, ослобнев, боялась двинуться с места, а Роза поспешно спрятала в сумочку стрелу, которую по нраву первенства считала своей...

И в этот миг я поняла, что чего-то здесь не хватает.

Евгения?

Я прекрасно видела, что он в соседнем отделе пытается разорвать на части пиджак, который мал ему размера на два. Понятное дело, Евгений любит как раз такой стальной цвет, и понятно, что цвет этот встречается крайне редко, но нельзя же так увлекаться...

«Роза здесь, Евгений здесь, даже моя сумка здесь, – подытожила я, – но чего-то все же не хватает».

Память истерично прокручивала картинки последних десяти минут. И тут я с ужасом осознала, что на этих картинках нет моего Саньки.

Мне уже было не до Розы, не до Тоси и уж тем более не до их стрелы. Передать не могу, как я испугалась, ведь, будучи в возрасте моего сына, я сама неоднократно терялась в этом самом «Детском мире», доставляя немало переживаний и хлопот продавщицам и покупателям, пока родители отдыхали от меня. Стыдно признаться, что я здесь творила, и это при том, что я была тихим ребенком. На что же способен мой сын?

Клянусь, у меня были причины для паники.

Я бросилась к Евгению, который застрял в пиджаке, и две продавщицы тщетно пытались стянуть с него свой товар. Заведенная пропажей сына, я в одно мгновение вытряхнула Евгения из пиджака и с криком:

«Пропал наш Санька!» – понеслась незнамо куда.

Роза, Тося и Евгений понеслись за мной.

Глава 5

Это был настоящий ужас!

Жуть!

Все эти американские страшилки, призванные нас напугать, но легко конкурирующие с беззаботными комедиями – так сурова наша действительность, – все эти фильмы ужасов – просто «тьфу!». «Кошмары на улице Вязов» – просто мелодрама в сравнении с тем, что я пережила, нарезая круги по универмагу в погоне за Санькой. Сердце мое выбивало противоестественный марш, ноги подкашивались, правда, это совсем не мешало бежать, крик ужаса стоял комом в горле, волосы стояли дыбом на голове, сумка без присмотра болталась на плече...

– Девушка, девушка, у вас сумка расстегнута, – кричали мне вслед добрые люди.

– Там, кроме денег, ничего нет, – на ходу кричала я им в ответ.

Теперь вы можете представить, в каком я была состоянии? Как это «кроме денег, ничего нет»? Совершенно забыла о том, что в сумке лежали баночки с противоморщинным кремом, духи, пудреница, губная помада, мой мобильник, тени для век, только что купленный комплект женского белья...

Впрочем, зря я перечисляю все эти сокровища.

Я бредила сыном, я глотала слезы, судорожно вопрошая

Всевышнего:

– Где мой Санька?!

И Всевышний сжалился. На одном из этажей универмага я вдруг увидела некое существо, сердито топающее по полу туфлями очень взрослого размера. На голове существа абсолютно косо сидела меховая шапка, из-под лохматого уха которой раздавался страшный рев и ползли сопли.

Существо тащило по полу огромную спортивную сумку и страшно ругалось на покупателей и продавщиц, которые из сострадания пытались узнать о его горе. Покупатели недоумевали, а продавщицам было и грустно и смешно, что особенно злило существо. Оно махало на них руками, возмущенно топало ногами, и шло дальше, таща за собой сумку. Все это, естественно, происходило под аккомпанемент истеричного рева, не прекращающегося ни на секунду.

Экзотический вид существа сбил меня с толку. Это был мой Санька, но я не сразу о том догадалась. Я даже пробежала мимо, так маленькое существо было не похоже на то, что я искала. Я даже приняла его за негритенка, поскольку кто-то из сострадания угостил Саньку шоколадкой, которая тут же и была размазана по лицу.

Да, я не сразу поняла, но когда поняла, то от радости едва не потеряла сознание. Я схватила сына на руки и попыталась его расцеловать. Должна сказать, что это было непросто, поскольку он вырывался и истступленно кричал:

– Мама! Мама! Где моя мама?!

Слезы градом текли по его щекам. Я едва сама не проследзила, так все было трогательно. Мой Санька так был ослеплен своей бедой, что утратил способность оценивать происходящее, он потерял меня, и я воочию видела, какое это для него горе.

Сердце мое трепетало.

– Сынок, сынок, это я, твоя мама, – сказала я и тут же пожалела об этом: мой сынок начал душить меня прям-таки с мужской силой, в порыве восторга, естественно.

Что было странно, при этом он ничуть не успокоился, а кричал и рыдал с новым вдохновением. Больших трудов стоило мне, Евгению и Розе его успокоить.

Точнее, удалось только Розе, которая проявила находчивость и воскликнула, будто бы обращаясь к нам:

– Ой, смотрите, автоматы какие! Точь-в-точь, как хотел наш Санька!

– Где автоматы? – воскликнул Санька, и слезы тут же высохли на его глазах.

Так изменяться может только ребенок: горе, страшное горе черной тучей заслонило весь мир, и вдруг фонтаном забила счастливая радость.

– Где автоматы? Мне нужны эти автоматы! – закричал Санька, сдирая с себя дурацкую шапку, которой он прикрывался от чужого мира.

На меня обрушилась совесть.

– Женя, – сказала я, кивая на коробку с туфлями сорок

четвертого размера, – выбрось эту гадость, и пошли покупать ребенку все, что он захочет. Наш ребенок это заслужил.

– Я не против, – согласился Евгений, крепче прижимая коробку к себе, – но на нем слишком много товаров, за которые мы не заплатили, и стоят они недешево. Санька знает толк в вещах.

– Ты прав, – сказала я.

Несколько часов ушло на поиски отделов, в которых наш Санька «приобрел» эти товары. Слава богу, все обошлось, шапку и обувь мы всучили без вопросов, продавщицы даже преисполнились благодарностью, а вот со спортивной сумкой вышли проблемы – ее категорически не хотели брать обратно, ссылаясь на то, что у сумки теперь нетоварный вид.

– Чего вы от меня хотите? – в конце концов возмутилась я.

– Чтобы вы ее купили, – бессовестно заявила продавщица, а ведь сама же прохлопала сумку.

Хотела бы я знать, чем занималась она, когда Санька эту сумку утаскивал.

– Думаете ли вы, что говорите? – изумилась Роза. – Зачем нам платить за сумку, которая уже есть у нас совершенно бесплатно.

– Да, – подтвердила я, – сумка даром у нас оказалась, так зачем мы должны платить?

– Затем, – возмущенно пояснила продавщица, – что второй раз продать ее уже невозможно.

– Вы и в первый раз не смогли ее продать, – напомнила

Роза. – Сто лет стояла бы она у вас за эту цену, если бы не глупый ребенок, еще не умеющий считать.

В общем, мы схватились с продавщицей не на жизнь, а на смерть. Евгений, пользуясь этим, заплатил за сумку, закинул ее за спину, вытер носовым платком Санькино лицо и отправился покупать боксерские перчатки. Когда мы с Розой очнулись от стычки, Санька был уже во всеоружии: из-под мышки у него торчал автомат, на груди висели боксерские перчатки размером гораздо больше его головы, на поясе болталась сабля, а из-за спины выглядывал самурайский меч.

Увидев эту картину, Роза вспомнила, что обещала Саньке автомат, и, оставив грустить продавщицу, помчалась выполнять обещание. Мы с Евгением помчались за ней, в надежде Розу отговорить, поскольку в нашем доме уже имела склад игрушечного оружия.

– Если хочешь, купи настоящий, – посоветовала я, но Роза ограничилась пластмассовым автоматом с красной лампочкой на том месте, где должно быть дуло.

Санька, чувствуя подходящий момент, потребовал и других игрушек. На это ушло еще несколько часов, после чего мы, нагруженные покупками, покинули универмаг и отправились домой.

Только дома мы с Розой поняли, что потеряли Тосю.

– Ну, Тося не Санька, уже взрослая, найдется, – успокоил нас Евгений.

Мы с ним согласились, но все же бросились ей звонить.

Оказалось, что Тося давно уже дома и не слишком расположена к общению.

– Ты жива? – спросила я.

– Я жарю котлеты, – сказала она и бросила трубку.

И в это время Роза, выкладывающая часть Санькиных подарков из своей сумки, извлекла оттуда стрелу.

Стрела сильно заинтересовала Евгения.

– А ну-ка, ну-ка, где ты это взяла? – спросил он, с интересом стрелу рассматривая и ощупывая.

– Ну как же. Женя! – возмутилась я. – Разве ты не знаешь?

– Он в это время терзал пиджак в соседнем отделе, – напомнила Роза.

– Эта стрела вонзилась рядом с головой сначала Розы, а потом Тоси, – сказала я.

Евгений удивился.

– Вы шутите? – спросил он. – Эта стрела не от детского и не от спортивного арбалета.

– А от какого? – заинтересовалась я.

– От охотничьего. Такая запросто убьет человека.

Откуда же она взялась?

– Говорю же, мы нашли ее в универмаге. Она торчала из деревяшки, обрамляющей витрину, в нескольких сантиметрах от головы Тоси. Как думаешь, что бы это могло значить? Похоже на покушение.

Евгений пожал плечами:

– Да что угодно, кроме покушения. Кому нужно убивать

Тосю, да еще арбалетной стрелой в универмаге, полном народу?

– А лично я думаю, что в толпе удобней всего убивать: все заняты только собой и ни на что не обращают внимания, – сказала Роза.

– К тому же напротив мужской обуви был отдел игрушек, – поддержала я Розу. – Может, там и игрушечные арбалеты продаются. Мало ли кто в кого целится из игрушечного арбалета, может, человек его только что купил и испытывает на остальных покупателях.

– Да, – поддержала Роза меня, – там, в детском универмаге, никто и внимания не обратит, если увидит человека с арбалетом. Очень удобное место для убийства. Правда, одно непонятно: Тосю-то нашу убивать зачем?

Евгений выразил изумление:

– Зачем убивать Тосю – у меня вопросов нет, будь я ее мужем, давно убил бы, а вот насчет арбалета вы заблуждаетесь. Вы не видели настоящего арбалета. Штуковина интересная и грозная. Женщины, может, и не обратят внимания, но в универмаге были и мужчины.

Редкий мужик равнодушно пройдет мимо человека, целящегося из арбалета. Да рядом с этим убийцей собралась бы толпа, можете мне поверить.

Мы с Розой озадаченно переглянулись.

– Но как-то он все же выстрелил, – напомнила я. – Вот стрела.

Евгений задумался.

– Я бы стрелял из примерочной кабинки, – сказал он, – там их много – выбирай любую. Берешь, к примеру, костюм, идешь в кабинку, сумку, естественно, захватываешь с собой. Арбалеты, кстати, есть и разборные, чтоб вы знали. Под маркой примерки быстро собираешь арбалет, целишься и... Процесс почти беззвучный. Другой вопрос, зачем убивать вашу Тосю таким сложным способом? Проще дождаться, когда она войдет в собственный подъезд, и свернуть ей шею.

Лично я умею это делать одним движением рук – вот она была и нету. – Евгений выразительным жестом продемонстрировал свою мнимую расправу с Тосей.

Меня и Розу передернуло.

– Побойся бога, Женя! – закричала я. – Что ты такое говоришь?

– Говорю? Было время, когда мне приходилось это делать, – рассмеялся Евгений, намекая на свое темное прошлое.

Мы зашикали на него и прогнали на кухню готовить ужин, поскольку баба Рая взбунтовалась и взяла выходной.

– На весь день гулять пойду, – сказала она еще утром, зловредно вручая мне Саньку.

Это означало, что к ужину она вернется и будет трескать за обе щеки то, что приготовим я или Евгений. Трескать и безбожно критиковать. К критике я отношусь неоднозначно, поэтому стараюсь ее избегать. Евгению же все равно, он

только посмеивается над сентенциями бабы Раи.

– Может, надо Женьке помочь? – взволновалась Роза, намекая на ужин.

– Ни в коем случае, – испугалась я. – Хочешь попасть под критику бабы Раи?

Роза дала понять, что не хочет.

– Вот пускай Женька и готовит, у него нервы крепкие, а она будет критиковать, даже если ты просто нарежешь колбасы. Скажет, не так нарезала и не та колбаса. Вредное создание, – вздохнула я и отправила Саньку в Красную комнату наслаждаться новыми игрушками.

После этого углубилась в беседу с Розой.

– Куда ты денешь эту стрелу? – спросила я.

– Отнесу домой и спрячу, – поеживаясь, ответила Роза.

– Спрячь получше, – посоветовала я, собираясь всецело отдаться этой теме.

Нам было о чем поговорить. Шутка ли сказать: два покушения. Теперь я верила, что это покушения...

И тут меня осенило.

– Шляпка! – закричала я.

– Ай, божечки ж! – закричала баба Рая, которая, пользуясь отсутствием Саньки, нагулялась досыта, да и вернулась.

Видимо, она уже успела побывать в Красной комнате и увидеть, сколько мы купили игрушек.

– А сколько же ж денежков-то потратили! – так скорбно голосила она, будто имела к этим денежкам какое-то отно-

шение. – А сколько ж на ветер-то выкинули!

Роза панически боялась бабы Раи, особенно если та была в дурном настроении. Поэтому продолжить беседу мне не удалось.

– Я пойду, – вскочила Роза.

– Куда? А ужин? – расстроилась я.

– Нет, нет, и Пупс, наверное, уже дома. Я пойду.

Созвонимся.

И Роза убежала, а я отправилась на истязание к бабе Рае оправдываться, почему купила так много игрушек.

Почему нельзя угодить всем одним махом? Санька счастлив – баба Рая негодует, баба Рая довольна – Санька плачет, и так во всем...

Глава 6

В тот вечер мне не удалось перезвонить Тосе: сначала баба Рая долго бушевала из-за игрушек – кричала, мол, нам-то что, управились, купили, а ей теперь эти игрушки за Санькой убирать или таскать на улицу, где он будет позорно хватать. Дальше шел длинный монолог о воспитании ребенка, воспитании, которого нет, по пути выдавались подробнейшие оценки моих и Женькиных качеств (все в негативе), в заключение следовали пророчества: что нас с Женькой ждет в будущем и как воспитание Саньки скажется на нашей старости. В качестве окончательного приговора баба Рая обычно советовала воспользоваться ее опытом.

Когда с воспитанием и нашими характеристиками было покончено, баба Рая приступила к ужину. Она тут же подвергла жесточайшей критике Женькину яичницу и без всякого перехода снова перешла на наши характеры, под занавес был дан подробный прогноз Санькиного будущего, опять же в приложении к нашей старости.

В такой обстановке я намертво забыла и про Тосю, и про стрелу, и про то, что, кроме бабы Раи, есть и другие обитатели на нашей планете...

После ужина, наспех уложив Саньку в кровать и скороговоркой в ролях прочитав ему сказку, мы с Евгением скрылись в спальне.

– Зачем это нам? – кивая на дверь и намекая на бабу Раю, спросил Евгений.

– Чтобы не забывали: жизнь – юдоль слез и печали, – ответила я.

Уже засыпая, я вспомнила про Тосю и решила утром же отправиться к ней.

* * *

«Утро начинается с рассвета...» – оптимистично поется в песне.

«Не у всех», – вынуждена добавить я.

Мое утро начинается с Маруси. Спрашивается, зачем Евгений на цыпочках из спальни выходил и, не включая света, одевался в прихожей, рискуя в любой момент столкнуться с бабой Раей? Почему потом баба Рая, невзирая на свою вредность, ругала меня на кухне робким шепотом?

Для чего они, спрашивается, старались, отчего деликатничали, когда безразличная ко всяким тонкостям Маруся, топая как слон, ворвалась ко мне ни свет ни заря, вытащила из постели и под предлогом своего горя погнала варить кофе и резать бутерброды.

Одна радость – бабу Раю из кухни будто корова языком слизала Маруся и баба Рая несовместимы.

Слава богу, они и сами это понимают и никогда не пересекаются. Точнее, баба Рая, пользуясь своими мудростью и

опытом, не пересекается с Марусей, хотя Маруся против бабы Раи ничего не имеет. Она радуется ей радостью ребенка и кидается лобызать и обнимать, после чего баба Рая долго жалуется на свои ребра.

Может, поэтому сублильная баба Рая избегает общения с Марусей? Может, это мешает их отношениям?

Если бы не ребра, думаю, они нашли бы общий язык.

Впрочем, не уверена, поскольку баба Рая мыслит консервативно и мгновенно поджимает губы при одном упоминании о либеральной Марусе, а за глаза Марусю она называет разгульным бегемотом.

Меня это устраивает. Когда я нестерпимо устаю от бабы Раи, достаточно лишь позвать Марусю, и проблема решена. Хотя, как говорят в народе, хрен редьки не слаще.

– Маруся, не располагайся надолго, я поеду к Тосе, – не просыпаясь, предупредила я, как только она показалась на пороге спальни.

– Зачем? – насторожилась Маруся.

– Надо, – уклончиво ответила я, не собираясь посвящать ее в события вчерашнего дня.

– И я с тобой! Я прямо вся с тобой поеду, – мигом разрушив мои планы, сообщила Маруся. – Тося давно меня зовет.

Я молча поднялась с постели и благородно отправилась на резку бутербродов, понимая, что в жизни не одни только радости.

– Старушка, я прямо вся про нее узнала... – завела свою

шарманку Маруся. – Она компьютерщица.

Я попыталась прикинуться дурочкой:

– Кто?

– Епэрэсэтэ! Старушка! Да Ванина баба! О ком еде я могу говорить?

– И что из того? – скептически поинтересовалась я.

Маруся, фонтанируя восторгом, мне в ответ:

– А то, старушка, что ты должна радоваться. Теперь тебе не обязательно с ней видеться, с этой уродой, можешь сказать все, что я о ней думаю, через Интернет – пусть все знают, старушка, пусть и в Америке знают.

Очень удобно, хвала компьютерам.

– Билл Гейтс умер бы от счастья, узнай он, сколько принес тебе пользы, – заметила я, разливая по чашкам кофе.

– Плевать я на него хотела, – отрезала Маруся – Старушка, я прямо вся предвкушаю, как она откроет эту свою страницу, а там мое послание! И пусть все его прочтут! И в Австралии тоже!

– Кто – все? – спросила я, окончательно просыпаясь.

– Весь мир!

– Полагаешь, всему миру есть дело до ее страницы?

И потом, не хочу огорчать тебя, но я не смогу послать твое мнение, не зная ее адреса.

– Какого адреса? – взволновалась Маруся. – Адрес я тебе дала.

– В сети Интернет адреса другие, – пояснила я. – Как я

зайду на ее сайт?

– Да-да, – пригорюнилась Маруся. – Я что-то слышала...

– Слышала? – изумилась я. – Маруся, да об этом знает каждый ребенок. Ты безбожно отстала от жизни.

– Старушка, – рассердилась Маруся, – я от всего этого далека! У меня интересы другие...

– Знаю, Ваня.

– Да, Ваня, и теперь вот она.

– Кстати, если хочешь сообщить о ней всему миру, тогда уж лучше помести эту информацию на своей страничке. Еще лучше будет, если дашь рекламу, тогда уж точно хоть кто-то на твою страничку зайдет.

– Сколько проблем, – расстроилась Маруся. – Адрес, страничку, рекламу... Тогда уж проще просто выйти на Красную площадь и ругать ее самыми последними словами.

– Уверю, эффект будет большой, – заметила я.

Но, похоже, Марусю уже волновали другие проблемы.

– Ох, – потягиваясь, воскликнула она, – почему у меня нет волшебной палочки?!

– А чего бы ты хотела? – спросила я, отправляя на тарелку первый бутерброд.

– Хотела бы во Францию. Уехать в Париж, глотнуть там свободы...

– Побойся бога, – возмутилась я. – Франция – полицейское государство. Оттуда даже статуя Свободы сбежала в Америку, правда, сбежала весьма неудачно, поскольку тут

же выяснилось, что и Америка полицейская страна. Там нарушены все права человека, которых, по сути, нет нигде и быть не может.

– А что же там есть?

– Там есть все, кроме свободы.

– А где же свобода? – растерялась Маруся.

– Настоящая свобода только в России. Статуя Свободы это сразу же поняла, как только в Америку хлынула толпа русских эмигрантов.

– Ты права, – согласилась Маруся, отправляя в рот бутерброд. – Только у нас можно делать все, что хочется, – жутко чавкая, добавила она.

– Маруся! – закричала я. – Прекрати хватать бутерброды! Так я никогда не наполню тарелку! Что за обжорство и жадность?

– Старушка, это не жадность и не обжорство.

– А что же?

– Чувство самосохранения, – с достоинством пояснила Маруся, принимаясь за следующий бутерброд. – Таким образом я сохраняю себя от голода.

Я вышла из берегов и закричала:

– Все! Хватит! У моих бутербродов совсем нет чувства самосохранения, раз им не удастся сохраниться от тебя. А вот у меня есть чувство самосохранения, но и оно почему-то плохо меня сохраняет. Как хочешь, а я поехала к Тосе. Раз уж меня так рано подняли.

– Я тебя отвезу, – подскочила Маруся, панически дожевывая бутерброд.

* * *

С Тосей мы столкнулись у двери ее же квартиры.

– Ты что здесь делаешь? – со всей прямоотой поинтересовалась Маруся.

– Только что проводила Ларису, – скорбно качая головой, сообщила Тося.

– А почему мы ее не видели? – удивилась я.

– Лариса спустилась по лестнице.

Маруся презирала лестницы и даже на второй этаж всегда поднималась на лифте, какая бы очередь возле него ни собиралась. Я же всегда входила с Марусей в лифт со страхом, опасаясь, хватит ли его грузоподъемности.

– У меня жуткие творятся дела, – жестом приглашая нас в квартиру, сообщила Тося.

– Тасик опять скандалит? – обрадовалась Маруся, проходя прямо на кухню и жадным взглядом обследуя стол.

– Нет, хуже. Вчера – стрела, сегодня – шляпка.

– Наоборот, – воскликнула я, – сначала шляпка, потом стрела.

Тося удивленно на меня посмотрела и спросила:

– Откуда ты знаешь?

– Вывела чисто логически, – важничая, сообщила я. – Пу-

тем сложнейших умопостроений.

Маруся переводила взгляд с меня на Тосю, с Тоси на меня и ничего не понимала.

– Епэрэсэтэ! – закричала она. – На каком языке вы говорите?

– На русском, разумеется, – ответила я.

– Так почему же я прямо вся вас не понимаю?

– Она не в курсе? – удивилась Тося.

– Прямо вся, – заверила Маруся.

– С Тосей вчера произошла та же история, что и с Розой, – пояснила я. – Ее пытались из арбалета убить.

А перед этим прострелили шляпку.

– Нет, ну как ты догадалась? – изумилась Тося, пока Маруся широко открытым ртом судорожно глотала воздух. – Про шляпку я еще никому не рассказывала, кроме Ларисы. Да и Ларисе рассказала только что. Я сама про нее узнала вчера вечером.

– Ты под сильным впечатлением вернулась из универмага и, вспомнив про шляпку Розы, решила исследовать и свою? – тоном утверждения спросила я.

– Именно! – воскликнула Тося. – Даже не знаю, когда ее прострелили! С ума можно сойти! Меня хотели убить, а я даже не заметила. Вот до чего замоталась с этим Тасиком.

– Думаю, убить тебя хотели три дня назад, – предположила я. – В Розу стреляли в понедельник, а стрела прилетела в среду. Вчера был четверг, и в тебя летела стрела, следова-

тельно, шляпку прострелили во вторник. Если убийца ничего не перепутал.

Тося побледнела.

– Думаешь, он соблюдает один и тот же интервал? – спросила она.

– Сегодня узнаем, – ответила я. – Если до завтра не упадет картина, значит, не точно соблюдает, а если упадет, то соблюдает. В том, что вас хотел убить один и тот же человек, у меня нет сомнений.

– У меня тоже, – согласилась Тося.

– Вы что, епэрэсэтэ! – закричала очнувшаяся Маруся. – Шутите?! Вы же сами говорили, что картина – случайность!

– Теперь я так не думаю, – нахмурилась Тося. – Я своими глазами видела стрелу, и в шляпке моей дырка. Когда я сегодня рассказала об этом Ларисе, она рассмеялась и сказала, что дырку в шляпке я сделала сама. Боже, ведь то же самое я говорила Розе! Я бездушно над Розой посмеялась, когда бедняжка от страха была сама не своя, вот бог и наказал меня.

Тося схватилась за голову, а потом нервно затеребила крестик на груди, бормоча молитву.

– Лариса права, а вы разум потеряли! – гаркнула Маруся. – Я прямо вся с вас смеюсь. Кому может понадобиться убивать вас? Если кто-то решил над вами подшутить, это я еще пойму, а в убийство поверю только тогда, когда увижу ваши трупы...

На этом речь Маруси оборвалась, потому что со стороны

комнат до кухни донесся грохот. Мы, расталкивая друг друга, вырвались из двери, в которой застряли по причине чрезвычайной спешки, и помчались в зал.

Тщательные обследования показали, что все предметы стоят на своих местах.

Мы дружно переместились в спальню и, кроме разобранной кровати, ничего интересного не увидели.

В Тасиной комнате тоже не было никаких разрушений. Мы изумленно переглянулись.

– Что же это было? – растерянно спросила Тося.

– Я прямо вся слышала грохот, – гаркнула Маруся.

– Картина! – закричала я. – На этой стене висела картина!

Где она?

Действительно, над письменным столом Таси всегда висела вполне приличная копия картины «Бурлаки на Волге». Тася еще любил по этому поводу шутить, что картина – копия с той жизни, которую устроила ему Тося. С ним я абсолютно согласна: жизнь его действительно нелегка.

– Картина! – закричала Тося. – Куда делась картина?

Мы дружно упали на пол и заглянули под стол – там лежала картина. Рамка разбилась вдребезги, и бурлаки тянули лямку уже на полу.

– Бедный Тася! – запричитала Тося. – Что было бы с ним, если бы он сидел за этим столом?

– Так на кого покушаются? – деловито осведомилась Маруся, тщательно пережевывая зацепленный на ходу бутер-

брод.

Глава 7

Минут пять мы говорили хором, а потом как по команде замолчали и задумались. Первой нарушила молчание Маруся.

– Надо срочно ехать к Розе, – гаркнула она.

– Зачем? – удивилась я.

– Чтобы посмотреть, жива ли она, – пояснила Тося.

– Нет, к Розе ехать не надо, – с волнением воскликнула я. – Бедняжка с большим трудом успокоилась, а вчерашнее приключение опять всколыхнуло ее страх. Зачем тревожить Розу? Чтобы узнать, жива ли она, достаточно ей позвонить.

– Раз ее страх вчера все равно всколыхнули, то можно и поехать, – рассуждала Тося, – вот только я не знаю – зачем? Что Роза нам скажет?

– Ничего, – не переставая жевать, ответила Маруся. – Но мы будем все вместе думать и сопоставлять.

Раз дело такое и даже картина упала, то я прямо вся поверила: вас кто-то хочет убить. Грохнуть. И вас, и ваших мужей.

– Насчет мужей сомневаюсь, а вот в остальном Маруся права, – подтвердила я. – Хорошо, поехали к Розе. Тося,хвати свою шляпку.

И мы отправились к Розе.

– Роза, ты только не падай, но в Тосю тоже стреляли, и

сегодня у нее сорвалась со стены картина, – с ходу сообщила Маруся, после чего Роза сразу упала. – Я бы тоже прямо вся умерла, если бы на меня покушались, – заверила Маруся, перешагивая через Розу и направляясь на кухню.

Мы с Тосей подняли Розу и, сгибаясь от тяжести, потащили ее на диван, хотя Марусе сделать это не составило бы труда, но кто дерзнет ее просить? Ведь после этого у Розы могут быть переломы, столько силищи у Маруси. И она эту силу не всегда контролирует.

– Надо брызнуть на нее холодной водой, – сказала Тося.

– Нет, лучше дать понюхать нашатыря, – возразила я.

– Я бы сделала и то и другое, – жутко чавкая, прокомментировала Маруся.

– Маруся, тварь такая! – закричала Тося. – Что ты там уже жрешь?!

– Колбасу, – виновато призналась Маруся.

– Где ты ее взяла?

– В холодильнике.

Тут уж не выдержала и я.

– Пока хозяйка лежит в обмороке, ты шарить в ее холодильнике? – возмутилась я. – Ты просто мародерка какая-то!

– Я просто хочу есть, – пожаловалась Маруся. – И если срочно что-нибудь не сожру, то прямо вся упаду от голода, а это совсем не одно и то же, что с Розой. Меня всю вы не поднимете. Меня всю даже «Скорая помощь» не сможет забрать, поэтому я должна особенно всю себя беречь, хотя бы

из заботы о вас.

– О нас? – изумились мы.

– Ну, чтобы не доставлять вам хлопот, – пояснила Маруся и откусила фантастически огромный кусок колбасы.

– Ужас! – закричала Тося. – Она все жрет!

– Правильно, – согласилась Маруся.

– Нет, поверить не могу. Неужели она и в самом деле так жрать хочет? – спросила Тося уже у меня.

– Думаю, да, – ответила я, массируя виски Розы и нервничая.

– Практически всегда, – уточнила Маруся.

«Что-то Роза слишком долго в себя не приходит», – забеспокоилась я.

– Она действительно хочет жрать, – согласилась Тося.

– Хоть это и удивительно, – добавила я. – И не забывай, она сейчас теряет вес. Как же она будет жрать, когда начнет поправляться? Нам ее уже не прокормить.

– Лично я ее кормить не собираюсь, – раздраженно сообщила Тося.

– Отстаньте от нее, пусть жрет, – проговорила Роза.

Мы обрадовались:

– Ты уже жива!

– А что, у меня были другие варианты? – насторожилась Роза и на всякий случай предупредила:

– Сегодня мне умирать нельзя, сегодня у меня три операции, это те, что плановые, а могут быть и срочные.

– Тося, покажи ей свою шляпку, – приказала Маруся, – что-то она слишком оживилась, куда-то рвется, нас не покормив.

Мы с возмущением уставились на Марусю, но Роза, похоже, больше терять сознание не собиралась. Она глянула на часы и засуетилась:

– Девочки, если у вас есть что важное, то рассказывайте по-быстрому, я уже опаздываю на работу.

Я и Тося, перебивая друг друга, рассказали о стреле и картине. Пользуясь этим, Маруся исчезла в недрах кухни и к концу нашего рассказа показалась в дверях комнаты с новым куском колбасы.

– У вас с Тоськой есть общий враг, – компетентно заявила она.

Тося и Роза откликнулись хором:

– Мы знаем, это ты.

Только в этот момент я сообразила, почему Тося так охотно отозвалась на предложение поехать к Розе – она спасала свой холодильник, точнее, его содержимое.

– Зря шутите, – обиделась Маруся, – я прямо вся переживаю за вашу жизнь.

– Она права, – согласилась я. – Вспоминайте, где пересекались ваши пути?

– Да буквально на каждом шагу, – воскликнула Роза. – Заканчивая сегодняшним днем. Видимся не реже раза в неделю, постоянно друг другу звоним...

– Нашли о чем говорить, – возразила Маруся. – Этак и в меня завтра палить начнут, если только в этом причина. Я тоже со всеми вами пересекаюсь.

Мне пришлось признать, что и я таким образом пересекаюсь со всеми подругами.

Роза опять поглядела на часы и пришла в ужас.

– Все! – запаниковала она. – Уже опоздала, а мне пилить на другой конец города! Маруся, выручай!

– Значит, так, – ставя руки в бока, сказала Маруся, – теперь перед нами две задачи: одна пустяковая, другая невыполнимая, но мы справимся.

– Начни с пустяковой, – воскликнула Роза.

– Пока ты будешь краситься и одеваться, мы со старушкой и Тоськой быстро бежим вниз, меняем свечи, заднее правое колесо, подкачиваем заднее левое и доливаем в бак бензин.

Мы с Тосей сникли, а Роза обрадовалась и сказала:

– Прекрасно. Теперь давай трудновыполнимую.

– Перед этим ты кормишь меня досыта.

Тут уж сникла и Роза, а мы с Тосей обрадовались, что не одним нам будет плохо.

В результате после некоторых мучений мы кое-как доставили Розу на работу и поехали ко мне, поскольку Тося, ссылаясь на Тасю, к себе нас активно не приглашала. Я отправила бабу Раю на прогулку с Санькой, и мы начали строить догадки.

– Признайся, у тебя есть враги? – откровенно спросила я

у Тоси.

– Сколько хочешь, – ответила Тося, недвусмысленно глядя на меня и Марусю. – Все завидуют моей красоте.

Тот, кто хоть раз видел Тосю, поймет, насколько беспочвенно ее заявление. Бесхитростная Маруся тут же хотела его опровергнуть, но я заткнула ей рот бутербродом, шепнув:

– Побойся бога, разве можно плохо о покойниках?

В том, что Тося весьма близка к этому состоянию, я не сомневалась, да и как тут сомневаться, когда непонятно кто и непонятно за что постреливает в нее то из пистолета, то из арбалета. Ведь когда-нибудь можно и не промахнуться.

– Странно, что на меня покушаются, – горестно заметила Тося.

– А мне странно, что в тебя так долго не стреляли, – сказала я.

Маруся радостно заржала.

– Будь я твоим врагом, – заявила она, – я прямо вся в тебя стреляла бы. Эх, жалко, что я не твой враг, – горестно заключила она, с досадой хлопая себя по ляжкам.

Я рассердилась:

– Маруся, как ты можешь, мы с тобой о разных вещах говорим. Ты говоришь черт-те о чем, а я говорю о том, что слишком много времени прошло с того дня, как начали покушаться на Розу. Розу, кажется, оставили в покое, и все. Почти две недели не покушались на Тосю. Интересно, чем это можно объяснить? Почему так тянули?

Тося пожала плечами.

– Может, их не устраивала твоя шляпка? – сострила Маруся.

– Кого их? – возмутилась Тося. – Думаешь, покусителей было много?

– А ты думаешь, что все умеют одновременно хорошо стрелять и из пистолета, и из арбалета? – в свою очередь поинтересовалась Маруся.

– Кто все? – возмутилась Тося.

– С тобой невозможно разговаривать, – огрызнулась Маруся.

И тут меня осенило. Да она же права!

– Тося, ты же ходила без шляпки, – сказала я. – Когда ты ее надела?

– Да вот три дня назад и надела, а больше и не носила, будь она неладна. Надела, и сразу дырка.

– Так что же мы гадаем и с помощью логических заключений выясняем, когда в тебя стреляли, если ты знаешь это почти точно? – изумилась я.

– Я не знаю, – буркнула Тося. – Я не гадаю.

– Так вот, дорогая моя, – воскликнула я. – В тебя так долго не стреляли потому, что ты ходила без шляпки. Они ждали, когда ты ее наденешь. Надела бы раньше, раньше и прострелили бы.

Маруся покрутила пальцем у виска и выразительно посмотрела на Тосю.

– Наша старушка прямо вся сошла с ума, – сказала она. – Как мне повезло, что я книг не пишу. И со мной было бы то же самое.

Тося промолчала, но по ее взгляду я поняла, что она полностью согласна с Марусей.

– Ну и черт с вами! – разозлилась я. – Вы всегда надо мной смеетесь, а потом выясняется, что напрасно. Вот увидите, так будет и сейчас.

Как я порой бываю права.

– Да брось ты обижаться, старушка, – приободрила меня Маруся. – Лучше скажи, как он выглядит, этот адрес?

Какой адрес? – не поняла я.

– Да этот, интернетовский.

– Бог ты мой! – возмутилась я. – О чем она говорит? У подруг такие неприятности, а она про своего Ваню! По-разному этот адрес выглядит.

– К примеру?

– К примеру сайт: три «w», точка, какое-нибудь имя или название, точка, «ru». Это простейший, конечно, но есть и очень длинные.

– Что за «ру»? – наивно изумилась Маруся.

Мы с Тосей переглянулись и, как истинно ш-ссские, оставили ее вопрос без ответа, впрочем, Маруся уже была вся в размышлениях, где такой адрес достать. Видимо, она нашла выход, потому что очень быстро повеселела и, потирая руки, сказала:

– Девочки, а не принять ли нам по пять капель?

– Можно, – обрадовалась Тося, – а то у меня в груди все сжалось и никак не разжимается.

– И у меня Женька на дежурстве, – согласилась я, вынимая из холодильника его изрядно початый коньяк.

Мой ход не понравился Марусе.

– Что там пить? – возмутилась она.

– Сама же сказала – по пять капель, – напомнила я.

– Но не так же буквально, – пожурила меня Тося. – Сейчас сбегаяю.

Через полчаса у нас шел пир горой, но вскоре вернулись Санька и баба Рая. Я знала, что баба Рая чувствует себя бездомной, когда у нас задерживается Маруся, и решила проявить сочувствие.

– Маруся, – сказала я, – не пойми меня превратно и не подумай, что мне жалко бутербродов, но из кухни пора сваливать.

– Гонишь? – ужаснулась Маруся.

– Нет, давайте перейдем в гостиную, а то баба Рая не получит свою дозу кухни и будет в жутком кумаре.

Синдром кухонной абстиненции, так хорошо знакомый всем русским женщинам, возвращающимся с длительного отдыха. У бабы Раи этот синдром протекает буйно, боюсь, нам мало не покажется.

– Старушка уже напилась, раз по-блатному и по-научному заговорила, – констатировала Маруся, послушно подхва-

тывая тарелки, бутылку и перемещаясь в гостиную.

Тося забрала остальное и последовала ее примеру.

– А что она у тебя дикая такая, баба Рая эта? – поинтересовалась Маруся, располагаясь за журнальным столиком и щедро наполняя рюмки.

– Она не дикая, а своенравная, – пояснила я.

– Слушай, старушка, – восторженно хлопнула меня по плечу Маруся, – а может, этой бабе Рае того?

Найти ей хорошего деда, и сразу характер исправится.

Подобреет.

Я испугалась, живо представляя, что может получиться, если Маруся возьмется ставить на колеса еще и жизнь бабы Раи.

– Нет, – сказала я, – давайте лучше споем душевную песню.

И мы запели. И сразу время побежало...

Нам было хорошо, мы забыли про шляпки, стрелы и пули и совсем оторвались от мира...

Душевные песни мы перемежали с разговорами о политике, дружно ругали Америку и своих мужей. Маруся за неимением мужа ругала Ваню. Потом мы дружески обменялись секретными рецептами пирогов, которые тут же и забыли. После этого опять поругали вероломную Америку и принялись за песни.

Звонок Розы застал нас за очень проникновенным исполнением «Хотят ли русские войны?». Маруся песню не пела,

Маруся песню страдала. Мы с Тосей пытались соответствовать ей в меру своих сил.

– Что за вой? – ужаснулась Роза.

Я с достоинством затеяла беседу и мгновенно выяснила, что время не только быстро летело, но и улетело довольно далеко: Роза уже успела сделать все свои плановые операции и вернуться домой.

– Куда пропала Тося? – строго вопрошала она. – Не могу до нее дозвониться.

– Тося у меня, – пьяно, но честно призналась я. – И Маруся здесь же.

– Так вот, – закричала Роза, – признавайтесь, кто из вас украл стрелу!

Глава 8

– Мне стрела зачем нужна? – удивилась я.

– Я прямо вся в той стреле не нуждаюсь, – воскликнула Маруся.

– А я даже думать о ней не могу, не то чтобы ее красть, – призналась Тося.

– Если вы стрелу не брали, то срочно приезжайте, – приказала Роза.

Но Маруся и Тося заупрямились. Ехать к Розе им не хотелось.

– Тогда я поеду одна, – сказала я.

– А мы? – обиделась Маруся. – Мы же у тебя сидим, как же ты поедешь? Ты что, нас выставляешь?

Будто первый раз яставляю ее. Однако алкоголь иногда воздействует на Марусю странным образом: она становится чрезвычайно обидчива. Так она поступила и на этот раз: обиделась ни с того ни с сего и, хлопнув дверью, ушла. Я забеспокоилась.

– Тося, беги за ней, – попросила я. – Вдруг она спьяну на своем «жигуленке» поедет?

Слава богу, Тося послушалась и помчалась за Марусей. Я же, чтобы не раздражать бабу Раю, спешно прибралась в гостиной, задвинула грязную посуду за диван (завтра помою, когда баба Рая пойдет на прогулку), пустые бутылки спрята-

ла в шкаф и, радуясь тому, что походка еще ровна, пошла посмотреть, чем занимается мой Санька.

Санька сидел на кухне с бабой Раей. Он рисовал акварельными красками то ли лошадь, то ли козу, а баба Рая, тупо уставившись в стену, лузгала семечки. Когда до нее дошло, что в кухне появилась я, к тупости добавилась злость.

– Съезжу к Розе на часок, – в пространство сказала я, целя Саньку.

– А чего еще от тебя ждать? – буркнула баба Рая, к злости добавив презрение.

Я не стала устраивать диспут, а молча вышла из кухни.

«Очень милая старушка, – подумала я, – просто удивительно, почему она меня терпит?»

* * *

Роза была сердита – Что такое?! – с ходу возмутилась она, морща свой вздернутый нос. – Опять стрела пропала!

– Господи, – возмутилась и я. – Кому нужна твоя стрела?

– Не знаю, но до вас она была, а потом пропала. Где эти лахудры?

– Маруся спит в своей машине возле моего подъезда, а Тося, думаю, пошла домой.

– Почему же они не явились?

– Маруся пьяна, ты же знаешь, она пьет за троих.

А Тося тоже пьяна, хоть и пила только за себя. Я самая

транспортбельная, потому и пришла.

Роза посмотрела на меня с осуждением и спросила:

– А почему это ты самая транспортбельная?

Я испытала легкое чувство вины и, потупившись, ответила:

– Не знаю, так получилось: пропускала.

– А что у вас за праздник?

Вопрос показался мне сложным, во всяком случае, я не знала, что на него ответить.

– Покушения все эти, – расплывчато сказала я и перевела разговор в более понятное русло:

– А где твоя стрела лежала?

– Да там же, где и в прошлый раз: у зеркала в прихожей.

Я рассердилась:

– Говорила же тебе: спрячь ее хорошенько.

– Да некогда все, – начала оправдываться Роза, – вечером поздно домой приползла, то-се, Пупса покормила, а там уже и спать пора, а утром не успела опомниться, как вы пришли, ну и тут же меня с панталыку сбили.

– Ты уверена, что это была та стрела, которую ты выдернула из дуба?

– Из клена, – поправила меня Роза. – У нас во дворе растет клен.

– Кле-еен ты мой опавши-ий, – пьяно грянула я, но Роза возмущенно меня оборвала.

– Да, уверена, – сказала Роза. – Это та самая стрела, кото-

рой меня чудом не убили.

– Почему ты так уверена? – удивилась я.

– Да потому, что я ее грызла, понимаешь, нервничала и грызла. И эта стрела была обгрызена.

Да, есть у Розы такая привычка, Роза, как маленькая, все в рот сует и грызет-грызет...

– В тот день, когда пропала стрела, в твоём доме были Тося, я и Маруся?

– Да, – подтвердила Роза, – и сегодня были только вы: Тося, ты и Маруся. Раз на Тосю покушались, значит, она не в счет. Остаются вы с Марусей. Ты не брала стрелу?

– Зачем она мне?

– Может, Саньке взяла?

– Чтобы он этой стрелой мне в глаз засандалил?

Я еще не выжила из ума, чтобы тащить в дом такие опасные предметы. Ты еще ядерную бомбу ему принести предложи. Нет, стрелу я не брала, могу поклясться хоть на Коране.

– Тогда остается Маруся – развела руками Роза. – Тосю-то мы исключили.

– Это ты ее исключила, – напомнила я. – И зря, Тося тоже могла спереть стрелу.

– Но на нее же покушались...

– Ты что, не знаешь нашу Тосю? Она соврет – недорого возьмет. Ты видела, как в нее летела стрела?

Роза растерянно покачала головой.

– Вот и я не видела. Тося запросто могла слямзить у тебя

стрелу, а потом устроить эту отвратительную сцену в универсаме. Что может быть проще? Воткнула стрелу в деревяшку, пристроила свою пустую голову рядом с ней и подняла визг. А мы из кожи вон лезем, гадая, как это убийце удалось выстрелить из арбалета прямо в толпе. Произведя на нас впечатление, Тося вернулась домой, проделала дырку в шляпке, ты же ей показывала свою, вот она точно такую и проделала, а потом начала прикидываться жертвой. С картиной проще простого: веревку подпили и жди, когда картина грохнется.

На Розу моя речь произвела сильное впечатление, ее озорная мордаха потемнела и погрустнела, что бывает редко, такое уж у Розы задорное мальчишеское лицо.

Актрисы с такими лицами становятся травести и до пенсии играют пионеров, так много в них оптимизма.

В Розе тоже много оптимизма, несмотря на то, что она не травести, а гинеколог – помощник бога.

– А зачем Тосе устраивать нам спектакли? – спросила Роза.

Я развела руками:

– Вот уж не знаю.

– Думаешь, она как-то связана с убийцей?

– Сомневаюсь, может, просто решила над тобой подшутить, да заодно и над нами. Ты ей рассказала про покушения, про картину, она намотала на ус, слямзила стрелу и пошла нас разыгрывать. Что, не знаешь Тоську? Будет потом по всему городу эту байку таскать, как она нас наколола, а

все будут ржать и в нас пальцами тыкать. В общем, так, – приказала я, – что бы она ни рассказывала, ты, Роза, не реагируй. Усмехайся, и все, пускай эта Тоська обломается. Я уверена, она еще много розыгрышей замыслила, ведь не зря же она снова слямзила стрелу.

– Да, ты права, – согласилась Роза. – Тоська действительно решила нас разыграть. Ну, держись, Тоська, фиг что у тебя получится.

И Роза скрутила ловкую комбинацию из трех пальцев.

– Вот и чудненько, – обрадовалась я. – Тогда провожай меня, пойду Саньке сказку читать, если он еще не заснул.

– Может, чайку попьем? – загрустила Роза.

Она явно не хотела оставаться одна.

– Нет-нет, спешу, – разочаровала я ее. – Уже поздно, и Санька...

Как все нормальные женщины, мы с Розой еще минут десять поговорили в прихожей, потом минут двадцать прощались, а потом появился ее Пупс.

Пупс так странно выглядел, что мы не сразу его узнали. Начну с того, что от него страшно несло перегаром – даже я слышала, хоть и сама была заправлена алкоголем. Плащ Пупса был измят, шляпа сидела косо, на щеках кустилась трехдневная щетина... Очень живописная картина.

Роза отшатнулась и схватилась за сердце.

– Ты же должен быть у Соболева! – закричала она. – Где же ты так нажрался, скотина?!

– Пошла вон! – отталкивая жену, сказал Пупс и, не разуваясь, проследовал в свою комнату.

Роза смятенным взглядом уставилась на меня. Такое Пупс позволил себе впервые. Я пожала плечами, давая понять, что даже помыслить не могла увидеть Пупса дерзким таким. Однако времени на постижение происходящего у нас не было, события развивались стремительно, причем по весьма причудливому сценарию.

Пупс повел себя еще более рискованно. Он вышел из комнаты и презрительно бросил Розе:

– Денег дай!

Роза, не привыкшая к такому обращению, так растерялась, что спросила:

– Сколько?

– Сто баксов, – приказал Пупс.

И Роза дала. Да, да, она дала этому озверевшему пьяному Пупсу сто баксов, и он тут же без всяких объяснений с ними и отчалил. Я не поверила своим глазам и закричала:

– Да на фига же ты ему сто баксов дала? Зачем ты это сделала, глупая? Он же, негодяй, их сейчас же пропьет!

– И это в то время, когда мы собрались покупать квартиру, – всхлипнула Роза. – Тося купит, а мы нет.

Естественно, что после такого поворота я уже уйти никак не могла, пришлось успокаивать Розу.

– Раз он такой, давай и мы выпьем, – сказала я, – тем более что мне пора опохмеляться.

– И то верно, – обрадовалась Роза, – тем более что мы так редко пьем.

– Не чаще раза в неделю, – согласилась я. – И то нерегулярно.

– Тем более что завтра выходной, – добавила Роза.

– И Женька на дежурстве, – вспомнила я.

Мы выпили. Слава богу, поговорить нам было о чем, а тут еще этот инцидент с Пупсом.

– Я ему покажу! – пьяно грозила Роза. – Пускай только придет, пускай только явится.

Я с опасением подумала, что в таком состоянии она и в самом деле может показать ему что-нибудь не то, и решила дождаться Пупса, чтобы в случае чего погасить семейный скандал в самом зародыше.

Ждать пришлось не так уж и долго. К полуночи Пупс объявился. Вид у него был значительно лучше, чем в первый его приход: шляпа надета по всем правилам элегантности, плащ, как обычно, щегольски свеж, щетина тоже исчезла. О прежнем Пупсе напоминал лишь легкий коньячный перегар.

Мы с Розой недоуменно переглянулись.

– Солнышко, как я устал, – вздохнул Пупс, нежно целуя Розу в щеку. – Сколько наворочал сегодня дел, ты бы знала. А-а, – внезапно обрадовался он, – Сонечка у нас в гостях. Здравствуй, Сонечка, – обратился он ко мне так, словно не перед ним я, ошарашенная, стояла каких-нибудь пять часов назад.

– Здравствуй, Витя, – растерянно ответила я, обалдевая от его превращения.

Однако Роза, увидев перед собой прежнего Пупса, почувствовала себя в своей тарелке и завопила:

– Куда ты дел сто баксов, ничтожество?!

Пупс, у которого (несмотря на усталость) был вид человека, жизнью довольного и готового к всяческому покою и наслаждению в недрах любимой семьи, Пупс, всей душой уже разогнавшийся к Розе, внезапно затормозил и напрягся.

– Каких сто баксов? – паникуя, спросил он.

– Ха! – закричала Роза, взглядом ища поддержки у меня. – Он еще спрашивает! Не вздумай ломать комедию! Ничтожество!

Я никакой поддержки Розе не оказала, более того, я украдкой ее ущипнула, многозначительно наступила ей на ногу и прошипела:

– Прекрати терроризировать мужа.

– Как это прекрати? – уже в мой адрес громко возмутилась Роза. – Ишь какая умная!

Пупс, сообразив, что без него я лучше отстою его права, мгновенно испарился.

– Не с ума ли ты сошла, заступаться за эту скотину? – с чувством поинтересовалась Роза.

– Ах, брось, – ответила я, – твой Пупс такой паинька, что ему можно все простить. Подумаешь, раз в жизни нажрался до отшиба памяти. Ему даже идет такое гусарство. И вооб-

ще, я находила твоего Пупса чрезмерно пресным, а тут он впервые в жизни отважился на поступок, повел себя как истинный, настоящий мужчина. Тебе бы радоваться, а ты уже до смерти готова его загрызть. Так нельзя, советую сдерживаться.

Роза, вместо того чтобы внять моим советам, начала нервно хихикать:

– Хи-хи, истинный мужчина? Хи-хи, мне бы радоваться?

– Да, настоящий мужчинами тебе бы радоваться, – подтвердила я.

– Он взял сто долларов! – напомнила Роза.

– Бог мой, какая мелочь. Что такое сто долларов?

Тьфу! Даже стыдно говорить. Другой бы потратил их за пять минут, а твой Пупс на них целых пять часов гулял.

А посмотри, какой он вернулся? Не приполз на рогах, как делают это другие, а появился на своих ногах, пусть с легким перегаром, зато в полном порядке, не поленился выгладить плащ, гладко выбрился... А как он чист, да еще зовет тебя солнышком и целует в щечку.

– Еще бы, взял у меня сто баксов! – возмутилась Роза. – Да за сто баксов знаешь куда целуют? Нет, я не могу такое спускать на тормозах! Я ему, стервецу, покажу! Покажу!

Здесь я уже по-настоящему разозлилась и закричала:

– Это возмутительно! Ты что, хочешь, чтобы у Пупса выросли ангельские крылья за спиной? Говорю тебе, отстань от мужика и не смей его терроризировать.

Он ничего такого ужасного не сделал.

– А где он брился? – Господи, неужели это так важно? Ты придираешься. Не брился – плохо, брился – тоже плохо.

– Ты не знаешь, где он брился, а я знаю!

– И где?

– У бабы! У него завелась баба, – зверея, воскликнула Роза.

Я расхохоталась:

– Не будь смешной, какая баба? Уверяю, мужская компания, проспался, ужаснулся, привел себя в порядок и вернулся.

– Думаешь? – спросила Роза, впадая в сомнения.

– Уверена, – с напором воскликнула я. – Не будь занудой, прости мужика.

– Если я его прощу, он и дальше пойдет так распоясываться, – в общем-то, резонно заметила Роза.

– Не пойдет, – успокоила я, – он даже не помнит, на что отважился. И лучше ему не напоминай, во избежание зла.

– А что, может, ты и права, – задумалась Роза.

Глава 9

Самая большая глупость – это встречать в семейные разборки. И пяти дней не прошло, как Роза мне позвонила и, рыдая в трубку, сообщила:

– Я знаю, кто покушается.

Меня прошиб озноб.

– Неужели опять? – закричала я. – Что на сей раз тебе сделали?

– Ничего, – успокоила Роза. – Новых покушений не было, но я знаю, кто инспирировал предыдущие.

– Кто?

– Сейчас скажу, и ты сама поймешь: у Пупса любовница, – и Роза горестно завывала в трубку.

– Не может быть! – выдохнула я.

– Я тоже так думала, но теперь, когда есть доказательства... – и Роза снова зарыдала. – Срочно! Срочно приезжай! – сквозь всхлипывания просила она.

Я, как истинная подруга, конечно же, понеслась к Розе. Но благое дело обернулось против меня. Роза встретила меня упреками.

– Это ты виновата! – закричала она. – Если бы я в тот раз ему не простила, все было бы иначе! Я хотела устроить ему скандал, чтобы неповадно было, а ты не дала, и вот, пожалуйста!

– Да что – пожалуйста? – удивилась я. – Что произошло-то? С чего ты взяла, что у Пупса любовница?

Как такое в голову тебе пришло?

– Как пришло? – опять зарыдала Роза и дальше уже говорить не смогла.

Уж лучше бы она ругалась. Сердце разрывается у меня от жалости, когда она плачет. Всхлипывает, как ребенок.

– Он что, сам признался? – осторожно поинтересовалась я.

Роза отрицательно покачала головой.

– Кто-то насплетничал?

Роза опять помотала головой.

– Получила анонимку?

– Нет, все хуже, гораздо хуже.

– Неужели застучала сама?! – ужаснулась я.

– Да нет же, – рассердилась Роза. – Сегодня Пупс ушел на работу, но вскоре вернулся и набросился на меня. – Роза многозначительно повела глазами.

– Как набросился? – испугалась я. – Он что, душил тебя или бил?

– Хуже, – хватаясь за сердце, призналась Роза.

Я пришла в смятение. «Господи, да что же может быть хуже?»

– Роза, что он сделал? – закричала я. – Говори, не тяни, побереги мои нервы!

– Он набросился и овладел мною прямо здесь, в прихожей,

вот только что, буквально час тому назад, – выпалила Роза.

Я вздохнула с облегчением и с некоторым разочарованием спросила:

– И все?

– Ну да, а чего еще тебе надо?

– Мне надо знать, почему ты решила, что у Пупса любовница.

– Именно потому и решила. Раньше он и в постели такой активности не проявлял, всю жизнь он был ни то ни се. Видела бы ты, что он вытворял! – взвизгнула Роза. – Платье чуть на мне не порвал, просто зверь какой-то. До этого дня я и мечтать о таком не могла!

– Так радуйся, – посоветовала я. – Господи, а она плачет, глупая.

– Кто его всему этому научил, если не баба? – всхлипывая, спросила Роза.

Я растерялась:

– Понятия не имею, кому, как не тебе, знать, ты же у нас гинеколог.

– Я гинеколог; а не проститутка, – обиженно промямлила Роза и тут же взвизгнула опять:

– Боже, что он со мной вытворял! Что вытворял! Будто год не видел живой бабы!

– А может, он «Виагры» нажрался? – смело предположила я.

– Да при чем здесь «Виагра»? Говорю же тебе как гинеко-

лог, у него любовница! И деньги он для нее просил, и пил у нее, и брился, и гладил плащ.

Я задумалась. Черт его знает, все в этой жизни бывает. Однако Пупс парень правильный, на глупости он неспособен. Если ненароком увлекся, у него это быстро пройдет, следовательно, ничего страшного не грозит моей Розе. Ее Пупс никуда от нее не денется.

– Успокойся, подруга, – сказала я, – тебе же, как я поняла, понравилось?

– Ну, в общем, да, – смущаясь, призналась Роза.

– Тогда успокойся и моли бога, чтобы Пупс не забыл и не разучился делать то, что делал с тобой сегодня. А в остальном, даже если человек и гульнул где, так тебе от этого сплошная польза. Денег же он у тебя больше не просил?

– Нет, денег не просил.

– Вот и хорошо, – обрадовалась я, – остальное легко можно простить.

Тут только я заметила, что Роза не в традиционном домашнем халате, а вырядилась так, словно собралась в театр.

– Ты куда вырядилась? – спросила я.

– Жду Юлю, обещала ей составить протекцию к Ряшкину.

Я возмутилась:

– Сколько можно к нему протекцию, составлять?

Юля знает его как облупленного.

– Поэтому он и избегает ее, – пояснила Роза.

Ряшкин – врач-косметолог – одна из граней любовного

куба. Ряшкин с детских лет запал на Розу, Роза запала на Пупса, Пупс как-то сам по себе, а Юля упорно рвется к Ряшкину. Он же упорно рвется от нее, от чего возникают неприятности у других мужчин. Будь Ряшкин храбрее и женись он на Юле, и, возможно, она была бы верной женой.

– Юля опоздала, – пожаловалась Роза. – Я бы и не узнала, на что способен Пупс, если бы Юля не опоздала. Юля запаздывает, я сижу дома, а тут Пупс прибежал и давай... В общем, не буду повторяться.

– Так в чем проблема? – удивилась я.

Роза вздохнула:

– Теперь такая тяжесть на сердце... Сразу позвонила тебе, чтобы с горя не разболтать Юле. Ты же знаешь Юлю, от моего рассказа она или прибалдеет, или психанет – этого никогда не предскажешь, – а мне и то и другое неприятно.

Наша подруга Юля – женщина с бесконечным шармом, а что ей еще остается?

Отсутствие достоинств побуждает ее гордиться недостатками и развивать их. Думаю, именно в этом секрет ее успеха у мужчин.

Юля тщательно следит за тем, что осталось от ее фигуры: не ест на ночь, не курит, мало пьет и не признает сладкого и мучного. Может, потому она так зла. Зла и раздражительна. Юля бросается не только на мужей, соседей, собак и подруг, но даже на неодушевленные предметы. В минуты особого раздражения она запросто может лягнуть фо-

нарный столб, толкнуть урну и запустить сумочкой в чиновника или налогового инспектора. Впрочем, как Юля ни зла, но и она способна на исключения. Так, Юля очень добра к своему бюсту: холит его и без усталости лелеет.

Боюсь, получился не слишком точный портрет, но каким бы он ни получился, должна сказать, что я Юлю люблю и восхищаюсь ею регулярно. В ней есть то, чего не хватает многим: Юля умеет лакомиться. Юля лакомится буквально всем: едой, вином, знакомствами, подругами, природой, мужчинами. Она всем лакомится, она все смакует, испытывая невероятное наслаждение.

У Юли бывают всего два состояния – злость и наслаждение. То, что не способно доставить ей наслаждение, вызывает злость. Она сразу начинает беситься, лягаться и кричать. Все оставшееся время Юля балдеет.

Но не подумайте, что это какая-то приближенная кретинка. Нет, Юля разумна, во всем знает меру и не позволяет себе увлекаться чем-то основательно, она говорит: «Всего много, а я одна. Меня может не хватить».

По этой причине Юля очень бережет себя и не раздает налево и направо.

Общаться с Юлей (если ее ненароком не разозлить) – громадное удовольствие, думаю, и в этом секрет ее успеха у мужчин. Кому же не приятно, когда от тебя балдеют? Мужчины к этому особенно чувствительны, поскольку не слишком в этом смысле избалованы, ведь посторонние женщины

обычно не имеют привычки открыто выражать свои чувства, а жены чаще всего выражают только плохие.

Юля оказалась легка на помине. Увидев меня, она сразу же приготовилась балдеть, поскольку я – без лишней скромности скажу – приятная собеседница.

– Софи, – замурлыкала Юля.

Юля ни слова в простоте не молвит, она обожает изыски, поэтому меня называет Софи, Розу – Розы, Марусю – Мэри, Тосю – Тони и так далее. Пусть себе называет, раз ей это кажется изысканным. Сама я не терплю манерности, но у Юли это выходит даже мило.

– Софи, – замурлыкала она, – ты уже видела мою новую грудь?

Да, забыла сказать: Юле легко получать удовольствие от беседы, поскольку речь всегда идет только о ней.

Как правило, никто не рискует переводить разговор на себя, в противном случае Юля начнет злиться, а что при этом бывает, я уже сообщила.

По этой причине я подвергла скрупулезному осмотру новую грудь Юли и, не найдя в ней ничего нового, очень ее похвалила. Пока Юля жмурилась от удовольствия, встряла Роза и задала вопрос:

– Ты где была? Больше часа тебя ждала!

Юля испуганно захлопала глазами, но по растянувшимся в блаженной улыбке губам было ясно, что та страшная история, которую она собирается нам рассказать, доставила ей

истинное наслаждение.

Между прочим, мимика Юли вызывает у меня настоящую зависть. Как ей удается передавать столь противоречивые чувства? Я пробовала это делать перед зеркалом, получилось нечто ужасное – сама не поняла, что моя гримаса выражает, у Юли же все выходит очень понятно и органично.

– Девочки, – изнемогая от наслаждения, поведала Юля, – я только что была у Дарены. У нее творится такое! – Юля закатила глаза. – Потому и задержалась...

И Юля замолчала, давая нам возможность помяться от любопытства, что было ей очень приятно. Она молчала, красила губы и смаковала наше нетерпение.

– Так что там? Что у Ларисы? – нервничая, закричали мы с Розой.

Кричать пришлось довольно долго, потому что Юля к нашим крикам была глуха. Когда же нетерпение наше достигло кульминации, она не спеша спрятала губную помаду в сумочку, нежно разгладила мизинцем свои выщипанные брови и, жмурясь от удовольствия, произнесла:

– Ларену хотели убить.

Я и Роза ахнули;

Глава 10

Роза ахала еще долго, а я тут же пожелала знать, при каких обстоятельствах хотели убить Ларису.

– Только не говори мне, что прострелили ее шляпку, – предупредила я.

Юля удивилась:

– Шляпку? Нет, про шляпку Ларена ничего не рассказывала. В Ларену едва не вонзилась стрела.

– А картина? – завопила Роза. – Картина уже падала?

– Падала, – подтвердила Юля, – но при чем; здесь картина?

Нам некогда было отвечать. Мы с Розой растерянно переглядывались, мы зашли в тупик, поскольку версия с Тосей отпадала.

Ход моих мыслей был таким: вряд ли Тося, выкрыв стрелу, бросилась бы разыгрывать Ларису, ведь она же ей первой сама про эти покушения и рассказала...

Впрочем, именно по этой причине Тося могла разыграть Ларису, раз та уже про стрелу и картину знает.

Какой смысл разыгрывать, скажем, Юлю, если та не станет связывать стрелу с покушениями? Возьмет и подумает, что кто-то из детей шалит. Какой же здесь розыгрыш?

Да нет же! Все не так! Лариса не знает про картину!

Когда картина упала, Лариса уже ушла...

Дальше я размышлять не могла, в меня полетела сумочка разозлившейся Юли.

– При чем здесь картина? – рассердилась она, для надежности запуливая в меня и расческу.

– А когда упала картина? – уворачиваясь от расчески, спросила я.

– Да вот только что и упала, – от злости топая Ногой, сообщила Юля. – Ларена рассказала про стрелу, а следом упала картина. Я полюбовалась изувеченной картиной, пока Ларена собирала осколки рамы, и пошла к Розе.

– Так, – сказала я, – давайте считать. Раз картина упала сегодня, значит, стрела прилетела вчера.

– Точно, – подтвердила Юля. – Именно так Ларена и сказала.

– Следовательно, двумя днями раньше была прострелена шляпка. Роза, – закричала я, – что же это выходит? Шляпка была прострелена в пятницу?

– Да не была прострелена шляпка! – возмутилась Юля, лягая ножку журнального столика и подсакивая ко мне с настораживающе непонятными намерениями. – Не была шляпка прострелена! С чего ты взяла?

– Уйди, – рискнула я отодвинуть Юлю, поскольку в гневе и сама была страшна. – Ты ничего не знаешь.

И Лариса, думаю, не знает. Да не думаю, а бьюсь об заклад, что у Ларисы прострелена шляпка, только она об этом ничего не знает. В общем, так, я еду к Ларисе, а вы давайте

по своим делам.

– Потом позвони мне, – попросила Роза.

– Всенепременнейше, – пообещала я и помчалась к Ларисе,

* * *

У Ларисы меня ждал сюрприз – в прихожей под вешалкой прямо на полу сидел Пупс Розы. Вид его совсем не допускал событий, так живо описанных Розой.

Пупсу было явно не до секса, его трясло, а в глазах стояла полнейшая бессмысленность. Думаю, в таком состоянии ему трудно было бы отличить козу от коровы, не то что...

Впрочем, я не об этом.

– О, – изумилась я, глядя на Пупса, но обращаясь к Ларисе, – а трясогузка откуда у тебя?

– Какая трясогузка? – растерялась Лариса.

– Ты что, не знаешь, что такое трясогузка? – изумилась я.

– Понятия не имею, – призналась Лариса.

– Бог мой, что с вами происходит? Как вы отстали от жизни! Маруся не знает, что такое Интернет, ты – что такое трясогузка. Радуйся, ты ее переплюнула.

– Хорошо, я радуюсь, но что это такое?

– Трясогузка – похмельный алкоголик, – сказала я, брезгливо склоняясь над Пупсом. – Но когда он успел так сильно протрезветь, что его уже всего колотит? Он же совсем недав-

но общался с Розой и не был пьян. Во всяком случае, Роза обязательно это отметила бы.

Пупс тупо смотрел на меня снизу вверх и делал робкие попытки подняться, однако толку от них не было, Пупс неизменно возвращался под вешалку.

– Прямо на глазах идет ко дну человек, – констатировала я, уже с жалостью глядя на Пупса. – Как он здесь оказался?

Лариса пригорюнилась.

– Ах, лучше не спрашивай, – ответила она, – в моей жизни пошла черная полоса. Сначала эти странные события, а тут еще и Пупс. Двое молодых людей позвонили в мою дверь, я открыла. Они предъявили мне Пупса и спросили: «Вы его знаете?» Пришлось сказать, что знаю. Они вручили мне его и сказали:

«Пускай отсидится, пока в ментовку не попал». Вот, отсиживается. Затащить его в комнату я не смогла.

Звоню Розе, никто не отвечает.

– Розы нет дома, она повела Юлю к Ряшкину на консультацию, – сообщила я и обратилась уже к Пупсу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.